ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Вячеслав Ременчик

ДАЛЁКАЯ ПЕСНЯ ДОЖДЯ

Вячеслав Евгеньевич Ременчик

Далёкая песня дождя

Серия «Женские судьбы (Четыре Четверти)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71314789
Далёкая песня дождя:
ISBN 978-985-581-674-5

Аннотация

Ева Полонская обладает необыкновенным даром — она слышит песню дождя. Окружающие считают это чудачеством или проявлением редкого неизлечимого недуга. И только московский художник Антон Ракитин, преодолевая собственные сомнения и невероятные коллизии, связанные с его любовью к ней, удостаивается права стать одним из избранных — тех, кто слышит песню дождя. Теперь их ничто не в силах разлучить — ни зависть людей, ни расстояние, ни смерть… Сопереживая и сочувствуя героям книги, читатель с волнением будет следить за событиями в их судьбах.

Автор книги «Далёкая песня дождя» Вячеслав Ременчик побуждает каждого из нас задуматься о самой сути любви — к женщине, семье, родному дому. Он умело ведет по сложным лабиринтам человеческих отношений, филигранно играя на контрастах добра и зла, любви и ненависти.

Содержание

Далекая песня дождя 6
1 8
2 16
3 19
4 23
5 26
6 28
7 31
8 34
9 41
10 42
11 46
12 49
13 55
14 57
15 59
16 62
17 65
18 69
19 72
20 75
21 77
22 79

Спасибо вам за нелюбовь 85
1 85
2 87
3 89
4 94
5 96
6 100
7 103
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Вячеслав Евгеньевич Ременчик
Далёкая песня дождя

© Ременчик В. Е., 2024
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2024

Далекая песня дождя
Повесть

А на улице дождь… ождь…
А за окнами гнусь… усь…
Ты ко мне не придешь… дешь…
Я к тебе не вернусь… нусь…

Анатолий Аврутин

* * *

Она, не открывая глаз, мягко положила голову мне на плечо и, привычно скользнув теплыми ладошками по груди, обхватила шею своими тонкими нежными руками.

– Ты слышишь, как поет дождь?

– Ну что ты, милая, разве ж это песня? – как обычно, словно общаясь с ребенком, ответил я. – Это просто крупные капли без толку барабанят по подоконнику.

– Дурачок, ты, как всегда, меня не понимаешь, – она чуть-чуть приоткрыла веки, и из-под золота длинных ресниц блеснули яркие огоньки зеленых, как майская весна, глаз. – Ты слушаешь ушами, так ты никогда не услышишь песню дождя.

Эти разные по настроению строки бережно достаю из глубин моей памяти, из ее самых, ранее никому не доступных, закромов. Пишу, перечитываю написанное и снова пишу, тем самым снова и снова погружаюсь в сладостные и одновременно терзающие душу воспоминания, вызываю в себе давнюю, но не забытую, сердечную боль, свежесть чувств и всепоглощающую страсть.

1

Мы встретились на многолюдной, но неимоверно скучной для нас обоих «маевке», устроенной на Чистых прудах моим близким другом, именитым московским художником Александром Макушиным. В один из солнечных, украшенных буйным цветением сирени, деньков в его шикарной двухэтажной квартире с мастерской на большой светлой мансарде (моей вечной мечты) собралась разноликая творческая элита, как выразился мой друг, «те из народа, кто почему-то возомнили себя великими и гениальными». К своему величайшему стыду, я никого из «великих и гениальных», приглашенных на этот шумный сабантуй, не знал. К слову, меня, скромного хабзайского учителя живописи и рисунка, никто из присутствующих тоже не знал, кроме, разумеется, хозяина этого просторного с парадным творческим беспорядком жилища, поэтому я был лишен участия в таком обязательном на таких мероприятиях ритуале как «теплые дружеские обнимашки» и неискренние «рад видеть», о чем нисколько не жалел. Мне даже нравился этот нечастый для меня статус-кво, и я не пытался его никоим образом нарушить, к примеру, радостно подпрыгнуть при виде какого-либо напудренного старичка с пестрым шейным платком под двойным подбородком, манерно прокричать, что-то типа: «Боже, какие люди без охраны» и нежно прижаться к дрябло-

му, упакованному в «Кристиан Диор», телу. Уверен, что, при должной артистичности этого трюка, я бы сошел за своего, и очень скоро попивал бы «Пина коладу» под душевную беседу с этим самым старичком и ему подобными визитерами. Однако демонстрации таких дешевых фокусов я предпочел бесцельное брожение по полупустым залам Сашкиной резиденции, подогревая в руке любимый «Вольфберн морвен» с давно растаявшими кубиками льда. Пока гости кучковались в каминном зале первого этажа, я бесцеремонно копался в мастерской воистину «великого живописца», где, не без удовольствия вдыхая родной запах масляных красок, восхищался свежими, несомненно талантливыми, холстами моего друга. Александр Макушин был мастером городского пейзажа, иногда, как он сам выражался, «грешил» с молоденькими натурщицами в «портретных бдениях», что тоже получалось талантливо и даже неординарно. [12]

Завершив осмотр «лаборатории бессмертных творений», так помпезно, но, по-моему, справедливо, называл мастерскую на мансарде ее хозяин, я приступил к захватывающему обозрению хаотично валяющихся в разных, порой самых неожиданных, местах карандашных набросков на бумаге и картоне, сиюминутных акварельных и масляных этюдов в толстых папках и россыпью, а также незавершенных по каким-то причинам живописных полотен.

---

[1] Популярный алкогольный коктейль.

[2] Односолодовый виски.

Единственной работой, которая была помещена на свежевыкрашенную стену «голубой гостиной», был портрет обнаженной девушки с распущенными ниже плеч ярко-рыжими волосами, с наслаждением купающейся в сияющем в лучах солнца радужном потоке жизнеутверждающего летнего дождя. Незнакомка на картине запрокинула голову к яркому солнцу и простерла высоко к небу тонкие руки с красивыми длинными пальцами. Слепящие солнечные лучи смело пробивались сквозь небесные капли и красиво озаряли прекрасное молодое почти прозрачное тело. Дождь тонкими бриллиантовыми струйками неровно стекал с ее белых искрящихся на солнце плеч, маленькой с нежными розовыми сосками груди и трепетно обнимал каждый изгиб фигуры, тонкую талию, плоский живот, стройные точеные ноги.

Казалось, что взгляд художника настиг ее во время какого-то стремительного волшебного танца. Я был восхищен выбранным живописцем ракурсом (что-то отдаленно напоминало манеру Дали): натура писалась сверху, будто мастер восседал высоко над головой натурщицы – на дереве или на облаке, что ли.

Я долго не мог оторвать глаз от этого удивительного портрета, казалось, прошла целая вечность с той минуты, когда я впервые взглянул на него. Искренне восторгаясь талантом художника и красотой его героини, я не мог понять, почему ее лик в огненно-рыжем обрамлении густых волос так и не удосужился касания кисти мастера, на девственно чистом

грунте значилось несколько плавных карандашных линий, лишь намекающих на тонкие черты узкого по форме лица. Неужели у гениального автора не хватило силенок или воображения, чтобы завершить работу, и он отложил это дело на потом (такое случалось и у Перова, и у Репина), но руки по каким-то причинам до него не дошли?

Конечно же, моя буйная творческая фантазия постепенно, шаг за шагом, мазок за мазком воссоздала на холсте этот прекрасный облик, но вопрос о причинах незаконченности работы я все же решил непременно задать ее автору.

С трудом оторвавшись от удивительного холста, я в волнении одним большим глотком опорожнил почти кипящий расплавленным виски стакан и в легком приятном опьянении решительно выдвинулся к каминному залу. Но с высоты широкой дубовой лестницы увидел, что мой друг с вожделением «купается» в теплых волнах всеобщего воспевания, и повернул обратно к распахнутым створкам широкого выхода на давно полюбившийся мне просторный балкон.

Небо хмурилось, еще недавно игравшее яркими лучами солнце исчезло за тяжелыми фиолетовыми тучами, и город внизу казался серым и невыразительным.

– Скоро будет дождь, – эта банальная фраза прозвучала на удивление восторженно – мелодичным с легкой хрипотцой девичьим голоском.

Я неохотно отвлекся от созерцания на глазах потускневшего Чистопрудного бульвара и повернул голову в сторону

предполагаемого источника этого приятного звука.

В глубоком венецианском кресле (Сашка усердно собирал мебельный антиквариат по всей Москве), по-домашнему укутавшись в теплый белоснежный в крупную серую клетку плед, уютно восседала милая рыжеволосая девушка. Узкое бледное лицо с едва выдающимися скулами и легкой россыпью веснушек, высокий открытый лоб, полные розовые губы с чуть приподнятыми уголками и громадные зеленые, как у кошки, глаза со слегка насмешливым выражением – именно этот облик еще недавно я рисовал в своем воображении, любуясь безликой красавицей под солнечными струями дождя.

За толстым пледом невозможно было угадать ее фигуру, но я уже не сомневался, что предо мной та самая загадочная героиня портрета из «голубой гостиной».

Я совершенно не умею общаться с красивыми женщинами, а вот, например, со Светкой Мигулиной, соседкой по этажу, толстой прыщавой девахой, промышляющей в Подмосковье секонд-хендом, я могу без каких-либо проблем до поздней ночи на ее прокуренной облезлой кухоньке обсуждать раннее творчество Питера Брейгеля Старшего. Хотя девушка под пледом была, скорее, безгранично мила, чем банально красива, но это совсем не важное в данный момент обстоятельство никак не преумножало мой скудный запас самоуверенности. А прекрасная незнакомка, словно почувствовав мое смятение, блеснула изумрудными глазами из-под вьющегося рыжего локона и, как ни в чем не бывало,

продолжила свою речь:[3]

– Хотите коньяка?

Из-под пледа волшебно возникла початая бутылка «Хеннесси» и пузатый коньячный фужер на низкой ножке, еще мгновение – и он, наполненный по самую кромку ароматной золотистой жидкостью, оказался у меня в руке.

– Пейте-пейте, – подбодрила незнакомка и мило, с какими-то шкодливыми чертиками в зеленых зрачках, улыбнулась.

По этому взгляду я сразу же сообразил, что солидная часть сосуда с живительной жидкостью уже греет душу рыжеволосой симпатяге и, желая хоть чуть-чуть сблизиться с ней в восприятии окружающего мира, гусарским рывком опрокинул в себя все содержимое фужера. Через десять минут, окончательно уничтожив остатки коньяка, мы бодро покинули этот гостеприимный дом через парадный вход, чем привлекли внимание уважаемой общественности. Ядовито-гремучий взгляд моего друга беспощадно прошелся по нам обоим, но моя милая собутыльница его даже не заметила, а мне в тот миг на все было просто наплевать. Еще через минуту мы, вприпрыжку, как расшалившаяся ребятня, шлепали двумя парами ног по лужам, плотно укрывшим весь Чистопрудный, и наслаждались теплым проливным дождем, щедро поливающим Москву – то еле покрапывая, то после короткой передышки обрушивая на землю тяжелые массы

---

[3] Голландский художник (1529–1569).

воды, будто кто-то всесильный баловался высоко над нами с невидимой бездонной лейкой.

Мы были одни на давно опустевшей, поникшей под беспросветным ливнем, алее, и, наполнившее мою душу, давно забытое, ощущение безраздельного счастья вроде бы не собиралось ее покидать. Я набросил своей спутнице на плечи поверх легкого летнего платьица свою старую ветровку, но это не помогло, мы оба промокли до нитки. Когда дождь достиг своего апогея, и я уже поглядывал на витрины близлежащих заведений с мыслью о теплом сухом убежище, она впервые произнесла это:

– Ты слышишь?! Слышишь это?! Неужели ты не слышишь?!

Я не понимал, к чему этот вопрос, и потащил продрогшую, дрожащую всем телом девчонку к прибрежному ресторанчику, но ее ладошка легко выскользнула из моей, она, словно мокрую тряпку, скинула на черный блестящий асфальт куртку, швырнула на зеленый газон босоножки и в два прыжка оказалась в центре громадной, отражающей небо лужи. В этот момент солнце окончательно освободилось от серой завесы туч и брызнуло вниз изо всех сил ослепительными пучками стронцианового света. Не успел я сообразить, что происходит, как моя юная спутница закружилась в безудержном фуэте под прозрачными небесными струями посреди искрящейся золотыми бликами воды. Мокрые волосы, словно притушенный огонь, вспыхивали красным ореолом

вокруг ее счастливого лица, мокрое, ставшее почти невидимым, платье плотно облегало ее стройную фигурку, открывая красивые ноги, волшебно высекающие кончиками пальцев из зеркальной поверхности яркие солнечные искры. И в этот восхитительный миг я окончательно понял, что пытался изобразить мой друг на том полюбившемся мне холсте.

2

Люблю ли я дождь? Странный вопрос. Я никогда не думал об этом. Не думал, так как любые природные явления воспринимал как не зависящие от нас обстоятельства, на которые мы не в силах влиять, будь то наводнение или засуха, метель, буран или оттепель, мертвое безветрие или ураган. Конечно же, к этому невозможно относиться безразлично, это может нравиться или нет (ей-богу, я не встречал людей, безумно любящих или люто ненавидящих что-либо в природе). Но дождь… ведь он может быть разным, так же как солнце, как ветер, как снегопад или туман. К примеру, моросящий дождик, он вроде бы робкий, ненавязчивый, но если зарядит на неделю, то превращается в страшного зануду, портящего настроение многим добропорядочным гражданам. Или ливень, вроде бы ничего страшного в нем нет, ну льет и льет, а сколько людских планов он напрочь перечеркивает? Вот собрался я, к примеру, с утра красить забор у бабушки, а тут, откуда ни возьмись, – ливень, да затяжной, и вся добрая задумка насмарку, а выходной заканчивается. Или пригласил девушку на свидание, принял накануне душ, освежился «Диор Саваж», выгладил брюки, надел новую рубаху – и вдруг ливень, и она звонит и говорит «давай на завтра перенесем», а завтра ты не можешь, и кто-то другой уже прогуливается с этой милой девушкой по бульвару.

А солнечный дождь? Это же чудо какое-то! Название «грибной» мне не нравится, потому что я не грибник, а народное прозвище «слепой» вообще не понятно. Этот дождь радует взгляд и согревает душу, им можно бесконечно любоваться, наблюдая из окна квартиры или из-под густой кроны ветвистого клена, как сияющие сквозь солнце капли нежно, я бы даже сказал, уважительно, поливают прохожих, асфальт и траву, постепенно растворяясь прозрачной пылью в небесной синеве, и завершают свое пришествие величественной феерией красок в прекрасной палитре радуги.

Люблю ли я дождь? Может быть, и люблю. На фоне дождя, каким бы он ни был, мне легко и свободно думается. Именно в дождь, когда он размеренно стучит по подоконнику, или дробно барабанит по куполу зонта, или немилосердно хлещет в лицо, в уме всплывают свежие или незаслуженно залежалые мысли, те, которые по разным причинам когда-то возникли, взбудоражили душу, озарили своей новизной и улеглись в недолгую сладостную дрему до лучших времен. Свежесть, размеренность или неистовость дождя (все равно) пробуждает эти мысли и выпускает в небо, словно невольницу-птицу, которая, обретая долгожданную свободу, продолжает свой некогда прерванный полет. И тогда вдруг рождаются стихи, между прочим, довольно неплохие, или идеи для возвышенной прозы, или иные уже не сдерживаемые мысленными преградами откровения. Вот сейчас легкий июньский дождик скромно постукивает к нам в окошко,

и в голову приходят давно полюбившиеся строки:

…А дождь расшибся о стекло,
Внезапно хлынул и расшибся.
Звонок… Нет, это я ошибся
И в трубку зря кричу: «Алло…»

А в трубке только треск глухой.
Грозою небосвод расколот,
И ветвь, упавшая на провод,
Твой голос унесла с собой.

И связь оборвана опять,
Конечно, провод свяжут снова.
Но то, несказанное слово,
Уже не хочется сказать.[4]

Она прижимается ко мне еще крепче, я с наслаждением вдыхаю ее юную утреннюю свежесть и чувствую биение маленького, но бескорыстно отдающего мне свое тепло, сердца, и нет, не слышу, а чувствую нежный, ласкающий ухо, шепот:

– Ты снова ничего не понял…

[4] Аврутин, А. Наедине с молчанием. Минск, 2007.

3

Мы были вместе все лето. Можно было бы в подробностях описать каждый из этих счастливых дней, но пусть это навсегда останется в моей и ее памяти. Счастье не бывает вечным, ведь это всего лишь миг блаженства, дарованного нам свыше по случайному стечению обстоятельств.

В начале сентября она без какого-либо предупреждения, даже малейшего намека, внезапно исчезла, улетучилась в никуда вместе со своим невеликим скарбом (два платьица, свитер кроссовки и джинсы), умещавшемся в небольшом кожаном рюкзачке. На кухонном столе под тарелкой с еще неостывшим завтраком лежал блокнотный листочек с бегло выведенными детским убористым подчерком словами: «Не ищи меня. Я сама тебя найду» и лаконичной припиской: «Люблю».

Мне до конца не верилось, что в здравом рассудке можно вот так с бухты-барахты взять и исчезнуть, когда вроде бы все хорошо. Значит, не все у нее было хорошо, значит, что-то позвало ее туда, где она сейчас. Из головы никак не выходил наш недавний разговор в Нескучном саду. Она была необычно задумчива и весь вечер, пока мы прогуливались по нашей любимой алее, не отпускала мою руку.

– А ты знаешь, что миллиарды лет назад на Марсе тоже шли дожди?

Меня никогда не интересовал этот вопрос, и я просто невнятно хмыкнул в ответ. А она крепче сжала мою ладонь и стала пристально смотреть на небо, как будто сквозь свет уличных фонарей и столичный смог пыталась отыскать взглядом ту самую «красную планету».

– Там так же, как и на Земле, с небес частенько лил дождь, только облака в атмосфере парили гораздо выше, и падающие капли были намного крупнее, чем у нас. Поэтому песня дождя звучала фортиссимо.[5]

Она так вдохновенно говорила об этом, что я невольно увлекся живописным повествованием.

– Но обитатели Марса погрязли в постоянных политических распрях, жестоких кровопролитных войнах, иждивенчестве, цинизме и разврате. Ничего не напоминает?

Она и не ждала ответа, хотя я уверенно кивнул козырьком кепки.

– Песню дождя уже никто не слышал, вернее, не мог слышать во все возрастающем шуме обреченной цивилизации. И после очередной кровопролитной, испепеляющей все вокруг, войны дожди исчезли, как будто их никогда и не было. А за ними испарились многочисленные реки, моря и океаны, и жизнь на планете навсегда канула в Лету.

Она внимательно посмотрела на меня, словно пыталась проверить, какое впечатление произвела эта фантастическая история.

---

[5] Fortissimo (итал.) – очень громко.

А я вместо того, чтобы поддержать ее, задал глупейший вопрос:

– И ты в это веришь?

Конечно же, моя собеседница обиделась и чуть не сшибла с ног своим пронзительным изумрудным взглядом.

– Я знаю это! Как и то, что на нашей планете с каждым годом уменьшаются масса осадков и объемы воды в мировом океане! – с вызовом выкрикнула она. И мне сразу же показалось, что эта история не такая уж фантастическая, и имеет под собой серьезный научный базис.

Куда же исчезла эта «марсианка»? Я даже приблизительно не мог предположить, где она могла находиться! Мобильную связь – эффективное средство современных социальных коммуникаций – она не признавала, и сотовым телефоном принципиально не пользовалась, мои редкие вопросы о близких родственниках – игнорировала, у нас даже не было общих знакомых, кроме Сашки Макушина. Ему-то я от безысходности я и позвонил, но ожидаемо безрезультатно.

Мой гениальный друг готовил свою очередную выставку в Питере и был по уши погружен в так обожаемую им беспросветную нервозную суету. С первых же звуков Сашкиного фальцета я понял, что раскланиваться со мной ему некогда.

– Старик, – он так обращался ко мне даже в далекой юности, – забудь ты эту чокнутую. Приезжай в субботу на открытие выставки, я познакомлю тебя с настоящей питерской

барышней, дворянкой в четвертом колене, так сказать, девицей голубых кровей.

И я поехал, нет, не ради обещанного авантюрного знакомства, а просто для смены обстановки, чтобы развеяться и хоть немного в атмосфере выставочного бомонда разогнать одолевавшие меня мрачные тягостные мысли. К тому же я люблю Питер и считаю его лучшим городом на Земле.

4

Постепенно я настроился на давно ставшую привычной ежедневную рутину жизни простого среднестатистического учителя художественного колледжа. Большая часть моего времени проходила с учениками в людных мастерских «кузницы мастеров кисти и карандаша». По вечерам после работы и скучными серыми выходными я не засиживался дома, где все напоминало о ней, бродил по извилистым улицам и закоулочкам Москвы, иногда просиживал до глубокой ночи в тихих малолюдных забегаловках. Именно в одну из таких бессонных августовских ночей мой телефон завибрировал, глухо выбивая чечетку на деревянной поверхности барной стойки. Вначале подумалось, что Анжелка, моя новая питерская знакомая, традиционно зажигает с подругами в «ночнике» и приготовился терпеливо, до скрежета сжимая зубы, выслушивать ее очередные нетрезвые откровения. Но на экране высвечивался незнакомый номер с неизвестным мне иностранным кодом. Я решил не отвечать, уверенный в том, что кто-то там далеко ошибся или это очередная мошенническая схема, одна из многих, о которых нас то и дело предупреждает МВД. Но телефон не прекращал «танцевать», и в готовности мгновенно прекратить разговор я все же приложил к уху нагретую продолжительной вибрацией трубку.

– Вы простите, ради Бога, за столь поздний звонок, – этот

сильно простуженный баритон с легким иноземным акцентом был мне совсем не знаком, но что-то мешало без промедления прекратить ненужный разговор, а звонивший, явно волнуясь и с трудом подбирая русские слова, продолжил, – я только сейчас сообразил, что между Торонто и Москвой большая разница во времени, – он неестественно, с трудом сдерживая кашель, хохотнул.

Торонто? Там у меня никого нет и быть не может. Но этот неожиданный звонок с того края света меня, одурманенного крепким алкоголем, почему-то совсем не удивил, тем не менее я уже намеревался разочаровать непрошенного собеседника и, простившись пожелать ему спокойной ночи. Остановил меня его сухой надрывный кашель, после чего он немного успокоился и, снова извинившись, представился:

– Я – отец Евы, – я мгновенно протрезвел и весь превратился в слух, а собеседник, все еще волнуясь, продолжал: – Я со второй семьей давно живу в Канаде, мать Евы умерла семнадцать лет назад, а я… Хотя не это сейчас главное.

Я в нетерпении прервал его взволнованный сумбурный монолог:

– Ева у вас?

– Да, конечно, она у меня, – бешено бьющееся сердце тяжелым молотом проламывало мне грудь. – Вернее, не совсем у меня, она в клинике лечения редких заболеваний в Норт-Йорке. Понимаете, у Евы такой же диагноз, как у ее мате-

ри… Врачи как могут спасают ее…[6]

Следующая пауза с беспощадно разрывающим больные легкие глухим буханьем чуть не свела меня с ума.

– Я, к сожалению, уже не могу ее навещать, а ей очень нужна забота. Не волнуйтесь, с медицинскими услугами здесь все в порядке, лечение полностью оплачено, но так получилось… – слышно было, как он с трудом сдерживает наступающий кашель. – В общем, она давно хотела вас видеть, но я все медлил, не звонил. Считал, что все это у вас несерьезно. Простите, ради Бога, – его извинения, как и непрерывный кашель, уже начали меня раздражать, но он сквозь какое-то булькающее сипение вдруг выдавил из себя то, что окончательно меня отрезвило и подбросило с насиженного барного стула. – В мой последний визит в клинку я услышал, как она говорит с вами во сне, и понял, что моя девочка вас любит, как никого никогда не любила.

Его последние слова были похожи на один протяжный хрип:

– Я знаю, что вам можно доверять… Прилетайте как можно скорее…

---

[6] Северный Йорк – один из густонаселенных районов Торонто, где расположены Норт-Йоркская общесоматическая больница и Саннибрукский центр медицинских исследований.

5

Собранных за годы моего взрослого существования средств на личном банковском счете хватало только на авиабилет в один конец, но неожиданным спонсором моего экстренного путешествия выступила соседка Светка Мигулина. Она при мне достала из сливного бачка унитаза заработанные на секонд-хендовском «леваке» доллары, аккуратно завернутые в полиэтиленовый пакет, и со вселенской скорбью в желтых зрачках шлепнула мне в ладонь мокрый увесистый рулончик:

– Шесть лет копила на шикарную свадьбу, но, похоже, она никогда не состоится, – Светка шморгнула носом и смахнула с белесой ресницы набежавшую слезу. – Ракитин, ты просто обязан быть счастливым. В этот момент она даже показалась мне симпатичной, я на минуту заскочил к себе и притащил в подарок щедрой соседке увесистый том «Жизнь Паулы Модерзон-Беккер».[7]

Назавтра, оглушенный моим заявлением «за свой счет», директор колледжа со скрипом одобрил мое недельное отсутствие. И уже на следующий день пузатый «боинг» пе-

---

[7] Полное название книги «Быть здесь – уже чудо. Жизнь Паулы Модерзон-Беккер» (автор Мари Дарьесек). Повествует о немецкой художнице-модернистке (1876–1907), увлекавшейся нудизмом, ставшей первой художницей, решившейся на обнаженный автопортрет.

реправил меня через океан и, вдрызг укаченного бесконечной одиннадцатичасовой турбулентностью, выплюнул в кучке таких же бедолаг в международном аэропорту «Торонто» имени Лестера Б. Пирсона. Кто такой Лестер Б. Пирсон я, к своему стыду, не знал, но это обстоятельство в данный момент меня совершенно не волновало. Через полтора часа, преодолев несколько серьезных автомобильных заторов под прекрасный русский мат водителя лобастого желтого «шевроле», я оказался в клинике лечения редких заболеваний Саннибрукского центра медицинских исследований.

6

Сухопарый, смуглолицый, с профессорской бородкой доктор, судя по всему, куда-то торопился, и мой нежданный визит нарушал какие-то его важные планы. Вместе с тем он терпеливо, но раз за разом поглядывая на наручные «Брегеты», выслушал меня и даже срочно запросил историю болезни Евы Полонской. Певучий с правильными округлыми согласными английский заведующего отделением удивительно гармонировал с его ненавязчивым угловатым испанским акцентом. Пробежавшись взглядом по последним страницам увесистой больничной книжки, он внимательно через абсолютно круглые окуляры очков в золотой оправе посмотрел мне прямо в лицо. Я даже немного смутился от этого взгляда, понимая, что моя небритая, помятая и здорово осунувшаяся физиономия выглядит, мягко говоря, не очень.[8]

– Вы же ей не родственник, – не спросил, а констатировал абсолютную истину профессор и снова посмотрел на часы.

– Нет, – я мог бы представиться дядей, но ответил честно и, делая вид, что не замечаю вежливых знаков своего собеседника, бесцеремонно развалился в белом кожаном кресле напротив, демонстрируя таким образом полную решимость довести наш разговор до логического завершения, – но по-

---

[8] Breguet – знаменитая компания по производству швейцарских наручных часов, продающихся в ценовом диапазоне от 20 тысяч долларов.

верьте, профессор, что мы с этой девочкой очень близки.

– Верю, – он захлопнул историю болезни и улыбнулся мне краешками узких бесцветных губ, – иначе вы не сидели бы сейчас напротив. – Понимаете, – он как-то неестественно замялся, и я понял, что это театральное замешательство профессор постоянно демонстрирует перед посетителями больных «редкими заболеваниями», – я не вправе раскрывать вам все нюансы, связанные с ее диагнозом, скажу только, что болезнь в течение многих лет имела ремиссионный характер, протекала, так сказать, латентно, без каких-либо видимых осложнений, но неожиданно приняла активно прогрессирующую форму.

Он встал из-за стола, я же не двинулся с места.

– Известные медикаментозные методы лечения в данном случае совершенно бездейственны. Только потому, что какие-либо эффективные препараты еще никем не придуманы. Признаюсь, – он ускорился в своих объяснениях, и я с трудом улавливал суть произносимого на английско-испанском, – семь лет назад мы диагностировали у нее этот странный и до сих пор необъяснимый синдром совершенно случайно и предпринимаем попытки его лечения, так сказать, на ощупь.

Профессор энергично двинулся к выходу, похоже, решив оставить меня одного в кабинете наедине с громадным, заваленным бумагами, рабочим столом и высокими стеллажами, доверху заполненными бесчисленными медицинскими мно-

готомниками с тиснеными золотыми литерами переплета. У распахнутой настежь двери он обернулся и произнес в качестве теплого символического прощания:

– Предвосхищая ваш следующий вопрос, скажу, что не только я, но и ни один здравомыслящий врач в мире не даст вам никаких гарантий в ее успешном излечении. Остается только надеяться.

Профессор удалялся с видом полновластного хозяина, вышагивая по длинному, залитому неоновым светом, коридору. Я догнал его уже у поста дежурной медсестры и, придержав за костлявый локоток, вынудил ответить еще на один вопрос, хотя сначала и не планировал его задавать.

– Песня дождя? Хм… впервые слышу, – он нервно поправил сползшие с переносицы очки, – хотя, знаете, в этом состоянии она может испытывать необъяснимые слуховые галлюцинации. Не относитесь к этому серьезно.

Доктор наконец исчез за дверями с надписью «Labaratory», [9]а мне стало неловко за необдуманный вопрос, как будто я без спросу выдал постороннему что-то особенно интимное, сокровенное, что было доверено только мне и никому больше. Оглушенный собственной совестью, я растерянно стоял посреди коридора и сгорал от стыда.

---

[9] Лаборатория (англ.).

7

– Зачем ты спрашивал это у него, дурачок? – она совсем не злилась на меня, хотя я готовился к урагану гнева. Видимо, у нее уже не было сил для таких сильных эмоций.

Странно, но мой визит ее совсем не удивил и даже не обрадовал, как этого хотелось мне. Как будто после нашей последней встречи минул не целый, ежедневно сводивший меня с ума, год, а всего лишь несколько никчемных минут. Словно она вышла прогуляться перед сном в близлежащий Нескучный сад, и я сразу же нагнал ее, еще не успевшую насладиться прогулкой. Но то, что я планировал высказать ей, придумывая еще в самолете различные, самые изощренные варианты, вдруг со свистом вылетело из моей бестолковой головы, уступив место одному сплошному, до глубины терзающему душу, чувству сострадания к этой тяжело больной девочке, беззащитной перед невидимым, день за днем, убивающим ее вирусом.

Когда Ева встала с постели, я увидел, как нещадно истерзала ее болезнь. Белая как мел кожа, невероятная худоба, обострившиеся скулы и подбородок, а некогда огненно-рыжие волосы приобрели оттенок осенней неубранной ржи. Но глаза! Ее зеленые кошачьи глаза ничуть не изменились. Они не стали застывшими и тусклыми, как у большинства безнадежно больных людей, а, напротив, безудержно выплес-

кивали через край искрящуюся живительную влагу, словно морскую воду, пропитанную весенним солнечным светом. В этих бездонных изумрудных зрачках жила вера!

И я не стал упрекать ее за внезапное исчезновение, так же как не стал даже намеком выражать какое-либо сочувствие ее состоянию. За то счастливое лето я успел изучить эту загадочную девушку, так же как и она меня, и сейчас прекрасно осознавал, что и то и другое сильно обидят ее. Я просто обнял ее хрупкое, почти неосязаемое тело и прижался своими пересохшими от волнения губами к ее губам, горячим и сухим как пустыня. Так мы и стояли, тесно прижавшись друг к другу, когда упитанная чернявая медсестра вкатила в палату позвякивающую стеклом капельницу.

Пока жидкость неопределенного цвета перекачивалась в ее голубеющие сквозь прозрачную кожу вены, я терпеливо сидел рядом и непрерывно декламировал ее любимые стихи.

Черта… Забвения печать
В просторе пегом…
Исчезнуть? Или снегом стать?
Я стану снегом!
Чтоб вьюга закружила всласть
Под ветер грубый,
Хочу снежинкою упасть
    Тебе на губы.
    Чтобы, хмелея без вина,
    Не сняв косынку,

Ты удивилась – солона
Одна снежинка…
То просто вымолив себе
Твою простуду,
Я буду таять на губе,
Я таять буду…[10]

Когда прозвучали эти строки, она положила узкую с голубеющими бугорками вен ладошку мне на колено, скользнула взглядом по тяжелым грозовым тучам за окном и с вымученной улыбкой произнесла:

– Сегодня я приглашаю тебя на концерт, – она сказала это так обыденно, будто позвала меня на выступление Кубанского казачьего хора в ДК Профсоюзов, при этом, взглянув на мои давно не знавшие щетки ботинки, добавила: – И почисти туфли, а еще лучше – купи новые, там строгий дресс-код.

Я понимал, что это была шутка, но новую обувку в этот же день купил.

[10] Анатолий Аврутин.

8

Август на юге Канады – самый дождливый месяц в году, даже короткая ветреная осень уступает ему по количеству воды, упавшей с небес. В последний месяц лета солнце над Торонто кажется невероятно тяжелым и беспредельно ленивым, оно упорно цепляется своим округлым шершавым боком за розовый небосклон, не желая покидать этот благодатный свет в положенное время, пока, вконец размякшее, разнеженное от дневной жары, не сползает, скучно и медленно, в глубокие темные воды Онтарио, чтобы уйти в беспробудную спячку на несколько дней, а то и недель, укрывшись как одеялом серой непроглядной дымкой дождя и тумана.

Мой приезд как раз совпал с этим коротким периодом летних разноликих дождей, воспринимаемый торонтцами как не всегда приятный, но обязательный ритуал. Жизнь в мегаполисе, на время получив передышку от пестрой курортной вакханалии, сразу же потекла размеренно и неспешно. Несметная масса туристов как по команде очистила городские пляжи, город превратился в одну сплошную, чадящую выхлопами и непрерывно сигналящую автомобильную пробку, на серых, зеркалящих лужами, тротуарах обильно «распустилось» многоцветие и многообразие несметного количества зонтов.

Сегодня утром дождь только намечался. Бескрайний, как

море, небосклон цвета темного густого ультрамарина, свинцовой массой тяжело нависал над городом, касаясь надутым «пузом» таких же темных и взволнованных вод Онтарио, поблескивал, словно забавляясь, короткими яркими молниями.

Я нашел ее на скамейке в маленьком, усаженном белым сассафрасом и китайской рябиной, скверике и без спросу присел рядом. Она мило улыбнулась, заметив мои новые «саламандры», подвинулась ко мне вплотную и накрыла невесомой холодной ладонью мою руку. Я прикоснулся губами к ее белому высокому лбу и почувствовал сильный обжигающий жар. Ее щеки тоже пылали алым огнем, а глаза сияли ярче обычного.

– Тебе разрешили прогулку? – я не скрывал нахлынувшего беспокойства, хотя знал, что ей это не понравится.

– Мне теперь все можно, я же безнадежная, – только я открыл рот, чтобы возразить, как она остановила меня строгим, не терпящим возражений взглядом. – Давай не будем о болезни, слова здесь совсем не нужны, чтобы ты ни сказал, все будет выглядеть фальшиво.

Я снова раззявил рот, чтобы уверить ее в моей бесконечной искренности, но узкая холодная ладошка прикрыла мои не в меру говорливые губы.

Я понял, что Ева давно и бесповоротно наложила табу на тему ее тяжкого и неизлечимого недуга.

– Ты ведь что-то хотел спросить у меня? – она смотрела

вдаль, где темный горизонт за безбрежным, взволнованным непогодой, озером раз за разом озарялся всполохами молний и где-то на том берегу глухо рокотал густым басистым громом.

И я решился на этот вопрос. Мне показалось, что она непременно знает ответ на него. Я ведь хотел узнать истину от друга Сашки, но все не представлялось удобного случая, а потом сообразил, что он, скорее всего, не откроет мне правды.

– Скажи, тот портрет в «голубой гостиной», почему он без лица?

Она поправила упавший на лоб тяжелый ржаной локон и впервые за утро взглянула мне в глаза, словно пронизала насквозь взглядом и заглянула в самую душу.

– Тебе действительно интересно? Тогда слушай.

Я готов был внимать каждому ее слову, и она не обманула мои ожидания.

– Я знаю, что в это трудно поверить, так как Макушин действительно прекрасный портретист, но со мной у него не получилось…

– У Сашки не получилось? – это было сказано абсолютно искренне. Но она не обратила внимания на мой откровенный возглас.

– У него на самом деле не получилось, хотя он в этом никогда никому не признается. Потому что давно разучился быть искренним. Мне странно, что вы друзья.

Она крепче прижала свою холодную ладонь к моей руке, и мне показалось, что ее длинные тонкие пальчики постепенно наполняются живительным теплом.

– В тот самый день, когда мы с тобой воодушевленно лакали коньяк на балконе, он прекратил наши обоюдные мучения над портретом и демонстративно повесил его незавершенным на стену. Я никогда его не видела таким взбешенным, хотя мы были знакомы без малого два месяца. Он кричал, с ненавистью выпучив на меня глаза, что я не умею позировать, что я дрянная натурщица, и ему жалко, потраченного на меня времени.

Небо над нашей головой с сухим треском раскололось на множество рваных с неровными краями кусков, яркая молния на мгновение осветила все пространство вокруг и, теряя силы, зарылась в серый прибрежный песок. Я невольно поежился, а Ева лишь скользнула по горизонту взглядом и продолжила рассказ.

– Немного успокоившись после дозы виски, он сказал, что мое лицо – непостоянная субстанция (придумать же такое!), что оно каждый день разное, и каждый раз он видит перед собой другого человека. Справедливости ради, скажу, что он прилагал максимум усилий, чтобы перенести мое лицо таким, каким он его видел, на холст. Он пробовал заново выставлять свет, перемещая по мастерской софиты и экраны, слепил меня ярким неоном, пересаживал к окну и сразу же вместе с табуретом перетаскивал в темный угол. Все было

без толку. Возбуждаясь, он как щепки ломал в руках кисти и швырялся тюбиками с краской. В один из таких приступов, это было как раз в день вечеринки, его любимая палитра стремглав вылетела в распахнутое окно как пестрая деревянная птица. Когда дворник Ибрагим с детским удивлением на лице приволок ее обратно, меня охватил приступ необъяснимого безудержного смеха.

Ева широко улыбнулась, обнажив ровные белоснежные зубы, и казалось, что вот-вот она рассмеется, но через мгновение улыбка погасла, а блуждающий в воспоминаниях взор стал еще ярче. Она, мягко отстранив меня, легко вспорхнула со скамейки, распахнула свой тонкий летний плащик и ослабила узел кашне на шее. Я же напротив застегнул свою старую замшевую куртку на все пуговицы, спасаясь таким образом от легкого, но прохладного ветерка.

– По прошествии времени я поняла, что те слова, которые тогда бросила ему, смеясь, больно ранили его непомерно раздутое многими успехами и всеобщим признанием самолюбие. Но таким достаточно жестоким образом я прекратила его творческие муки над моим портретом. Скажу честно, в тот момент мы оба вздохнули с облегчением, он сразу же пошел в столовую накачиваться виски, а я, чтобы хоть чуть-чуть остыть, выскочила на балкон, предварительно стянув из бара ту самую, позже распитую с тобой, бутылку коньяка.

Ветер незаметно стих, и по траве дробно забарабанил мелкий бодрящий дождик, но Ева словно не чувствовала этого,

она уже была не здесь – в дождливом промозглом Торонто, а в солнечной майской Москве, в квартире известного московского художника Александра Макушина. Я тоже вместе с этой немного странной, до сих пор неразгаданной мною, девушкой вернулся в то счастливое, как я считал, для нас обоих, прошлое, и в данную минуту беззаботно шлепал по Чистопрудному бульвару по направлению к Сашкиному жилью, даже не помышляя о том, какие страсти там сейчас разгорелись.

– Выдала я ему, что считала чистейшей целомудренной правдой, – продолжала Ева. – У него даже щеки раскраснелись, не от виски, конечно же, а от истины. А сказала я то, что не умоляю его Божьего дара, но живую, имеющую душу и сердце, женщину нельзя писать так же как бездушную фарфоровую вазу. И что, взгляд творца – это не сканер и не копировальный аппарат, а перед тем как завершить это сумасшествие, добавила, что поспешила для его несусветной мазни предоставить свое тело, а лицо пусть сканирует у другой дурехи. Но ничего у него не получится, во всяком случае, на этом холсте, пока он не научится писать не глазами, не руками, а душой. Может быть, это прозвучало излишне сентиментально, но его тронуло, потому что он и сам это отлично понимал, вроде бы не дурак. И еще я сморозила, что-то типа: «Сердце, не способное любить, не в силах творить». По-моему, неплохо прозвучало, звучно и откровенно. К тому же, чтобы там ни говорили, я уверена, что Леонардо тай-

но или явно любил Лизу Герардини, иначе его «Мона Лиза» не обрела бы бессмертие. [11]

Дождь постепенно усиливался, хотя нас это постороннее в данный момент обстоятельство совершенно не трогало. Но только в данный момент. Шаг за шагом погруженный Евой в близкие мне и волнующие душу воспоминания, я тогда и предположить не мог, насколько все изменится очень скоро. Лишь чуток настораживал еще непонятный мне ее восторженный взгляд из глубины изумрудных зрачков, который она то и дело бросала в заоблачную даль, сквозь меняющиеся на глазах небеса. А небосклон над Онтарио сиял удивительным аметистовым светом, за которым, как за плотной дымчатой вуалью, ясным бесформенным пятном просматривалось солнце.

– Вернувшись из столовой изрядно повеселевшим, – продолжала Ева, – он очень помпезно, как римский патриций в сенате, вынес сформулированный за хмельным стаканом окончательный вердикт: «Эта картина будет называться “Безликая Ева”, – и, довольный собой, добавил: – По-моему, звучит оригинально и к тому же соответствует действительности». Или повлиял выпитый коньяк, или мне на самом деле стало все равно, но я не отреагировала на эту откровенную издевку, хотя изначально портрет был поименован мною как «Песня дождя».

---

[11] Знаменитая «Мона Лиза» кисти флорентийского художника Леонардо да Винчи (1452–1519).

9

Она как маленькая беззащитная девочка забралась ко мне на колени, легкая, почти невесомая, положила голову на плечо и плотно обхватила меня руками. Я чувствовал исходящий от нее жар, и ясно слышал бешеное биение ее сердца. Понимая, как тяжело ей дался этот рассказ, и что последние силы могут покинуть ее в любой момент, я предложил вместе переместиться в больничную палату. К тому же вокруг нас стремительно сгущался и без того тяжелый и вязкий, как патока, воздух. Снова проснувшийся ветер мягко стелился по низу, сухо шелестя травой и поднимая вверх еще не промокший песок с близлежащего пляжа. Грузные увесистые тучи, исколотые острыми зубцами молний, всем своим грозным видом демонстрировали готовность обрушить на эту грешную землю мегатонны мутной холодной воды. Но, похоже, что в этом предвестии дикой свистопляски Ева чувствовала себя гораздо лучше, поэтому наотрез отказалась уходить.

– Ты разве забыл? Мы приглашены на концерт! И мы рискуем опоздать!

Она цепко схватила меня за руку и на удивление энергично потащила в сторону пляжа, откуда сквозь шум ветра отчетливо слышался рокот волн, размеренно и хлестко падающих на пологий песчаный берег.

10

На следующее день меня к ней не пустили. Пожилой чернокожий охранник, не вернув предъявленный пропуск, проводил меня к посту дежурной медсестры, где из-за толстого стекла миловидная полная девушка вежливо объяснила, что Ева ночью переведена в реанимационное отделение, и любые свидания с нею временно ограничены. Два следующих дня я провел на маленьком кожаном диванчике у дверей реанимации. Заведующий отделением, периодически проходивший мимо, лишь кивал мне головой, как почти забытому знакомому, но от охраны я узнал, что он распорядился не выгонять меня отсюда, за что был ему безмерно благодарен.

Ранним утром третьего дня, когда очередная смена персонала еще не пересекла порог учреждения, а ночные медсестры еще не поглядывали в нетерпении на часы, профессор после традиционного кивка доверительно подхватил меня под локоть и повел по длинному с мягким ночным освещением коридору.

– Этой ночью умер ее отец, – он сказал это с неподдельной болью в голосе. Я даже опешил от этой искренности и с удивлением посмотрел на него, однако было похоже, что он не притворяется, а по-настоящему сочувствует. Тем не менее я, то ли из недоверия, то ли от накопившихся нервного напряжения и неимоверной усталости, допустил непозволи-

тельную бестактность, о чем сразу же пожалел:

– Вы переживаете насчет оплаты за медицинские услуги, оказанные его дочери?

Моя откровенная издевка явно задела его, он сразу замер на месте, отпустил мой локоть и блеснул мне в лицо линзами очков:

– Как вы могли такое подумать?! За лечение Евы давно заплачено с лихвой! Ее отец, доктор Феликс Полонский, – выдающийся ученый-генетик, стоял у истоков создания этой клиники и на протяжении пятнадцати лет являлся ее бессменным руководителем.

Мне вновь в этом самом коридоре стало стыдно, и в очередной раз за эту неделю мои щеки зарделись жгучим румянцем.

– За эти годы Феликс Полонский создал две уникальные вакцины для лечения редких заболеваний, провел их научные испытания и запустил в серию! Не каждый светила медицины на такое способен!

Я не нашелся, чем оправдаться, и просто промолвил:

– Простите, я этого не знал…

А профессор словно и не услышал меня. Он опустил голову и печально, я бы даже сказал, растерянно, закончил свой монолог:

– К сожалению, своей дочери он так и не смог помочь… Пока не смог… Но мы все же надеемся… Надеемся на чудо.

Он вроде бы успокоился.

– Поверьте, я беспокоюсь за эту девочку не меньше, чем вы. И не только из уважения к ее отцу…

Он пристально посмотрел на мою обветренную физиономию, неожиданно снова вспылил и в сердцах высказал мне то, что, скорее всего, не планировал говорить:

– Что вы с ней делали на озере в такую ужасную погоду?! Или вы тоже сошли с ума?!

Я как провинившийся школьник в кабинете директора, набравшись храбрости, честно ответил:

– Мы были на концерте, где слушали песню дождя…

Трудно описать исказившееся гневным удивлением лицо профессора, передо мной стоял совершенно другой человек, не в силах более сдерживаться, он затопал ногами и схватился руками за голову.

– Песню дождя! Вы сказали «песню дождя»?! – он так кричал, что с соседнего поста прибежала разбуженная медсестра.

– Вы такой же сумасшедший, как и она! Но я не буду вас лечить! Ни за какие деньги! Убирайтесь в свою Россию и там посещайте концерты дождя, пока ваш мозг не приведут в порядок! Если это еще возможно!

– Уже невозможно, – холодно ответил я, и это ледяное спокойствие сразу же отрезвило его. Он поднял с пола синюю картонную папку, уроненную в недавнем припадке бешенства, и понуро побрел по коридору.

– Не знаю, стоит ли ей сейчас говорить об отце, – его го-

лос был снова совершенно спокоен (уверен, что только «латиносы» способны так быстро менять настроение).

Мы стояли у широкой двустворчатой двери с белым матовым стеклом по центру.

– Думаю, сейчас ей это совершенно ни к чему, – ответил я на его колебания и шагнул в полумрак комнаты, неровно мигающий разноцветными огоньками реанимационной аппаратуры.

– Не задерживайтесь надолго, пожалуйста, – прозвучало за спиной примирительное, и дверь плотно закрылась.

11

В комнате были только я и она. По подоконнику размеренно барабанил летний дождь, но для меня, так же как для нее, это были не просто капли, падающие с неба.

Она крепко и безмятежно спала. Мне хотелось верить, что это действительно крепкий сон, а не тягучая беспросветная кома.

Я бесшумно раздвинул плотные шторы, приоткрыл створку окна, и комната сразу же заполнилась свежестью раннего утра, пением птиц и песней дождя. Первый солнечный луч скромно заглянул к нам в гости и нежно коснулся ее плотно сомкнутых ресниц. И, о чудо, она медленно, словно нехотя, открыла глаза и сразу же покосилась на приоткрытое окно.

– Он снова поет.

– Поет, – подтвердил я и присел рядышком на табурет.

– Ты слышишь новые ноты? Это папа шлет нам их с небес…

«Она знает?! Откуда?! Неужели слышала наш коридорный разговор?! Не может быть! – эти мысли неприятно жужжащим роем ворвались в мою голову, и сразу же это внезапное жужжание умолкло. – Нет, она знает, потому что знает…»

– Как ты, милая? – спросил я и осторожно кончиками пальцев притронулся к ее горячему лбу.

– Никак, – мгновенно отрезала она, будто ждала этот бессмысленный вопрос.

Как же мне хотелось сию минуту оторвать ее от этой, увешанной приборами койки, оборвать с корнем все эти трубочки и провода, прижать крепко к сердцу и унести на руках куда угодно, только чтобы оставить здесь навсегда ее мучительную, терзающую тело и душу боль.

А она, словно почувствовав мое настроение, мягко скользнула холодной невесомой ладошкой по моей, давно забывшей бритву, щеке, блеснула изумрудом из-под длинных золотистых ресниц и, еле размыкая бескровные губы, с трудом произнесла:

– Улетай сегодня же. Ты больше ничем не сможешь помочь.

Я слабо возразил:

– Может, я хоть чем-то могу быть полезен. Мы же с тобою не чужие друг другу.

– Именно поэтому улетай. Ты не в силах наблюдать, как страдаю я, а я не могу видеть твои мучения. Улетай…

– Милая…

– Убирайся немедленно!

Ее голос неожиданно окреп. И давно знакомая мне «железная» интонация напомнила о бесполезности каких-либо возражений. Заметив, как мгновенно порозовели ее щеки, я подумал, что какая-то, может быть, очень слабая надежда на выздоровление непременно должна быть, но понимал, что

лишь успокаиваю себя, и это наша последняя встреча.

Целуя ее, я почувствовал, как ее губы легкой пульсацией ответили мне.

– Я люблю тебя, – не услышал, а почувствовал эти, произнесенные мягким шепотом, слова. Крохотная, чуть заметная слезинка, минуя рыжий завиток у виска, плавно скатилась к изголовью. Но сердце в ее груди билось на удивление спокойно и размеренно.

Когда же я вышел, плотно прикрыв за собой дверь, из палаты раздался сигнал срочного вызова персонала, и через несколько секунд по коридору навстречу мне уже летела знакомая полненькая симпатяга с объемным медицинским чемоданчиком в руке.

12

Люблю ли я дождь? Странный вопрос. Конечно же, люблю! Там, за океаном, мои сомнения в отношении этого многоликого явления природы в один дождливый вечер переросли в вечную любовь. В один ли вечер? Я сам не уверен в том, что это произошло так внезапно. Похоже, что к этой странной на первый взгляд привязанности я пришел не сразу, меня привела к ней, буквально за ручку, моя Ева. Она научила меня любить по-настоящему – без помпезности, красивых сцен и витиеватых фраз, любить не ушами и глазами, а чистой душой и открытым сердцем. Как умела любить сама.

Авиалайнер, тяжело и натужно, словно не желая расставаться с землей, оторвался от взлетной полосы и, нанизывая на себя диковинные кучевые облака, стал набирать высоту. Голос командира корабля в динамиках бодро вещал о маршруте и условиях полета, красивые стюардессы заученно демонстрировали навыки пользования кислородными масками и спасательными жилетами, я же давно утонул в своих мыслях о том, что было и никогда уже не будет у нас с Евой. Об этой странной на первый взгляд девушке, о ее загадочной болезни и необычном умении слушать дождь. Все это осталось там, внизу, – в каком-то далеком и заоблачном прошлом. Только песня дождя навсегда останется со мной, и где бы я ни был, при первых каплях с неба и в непроглядный

ливень я буду слышать, как поет дождь.

В тот самый дождливый вечер в Торонто хмурый носатый лодочник в самом обычном рыбацком брезентовом дождевике, невзирая на высокую волну, пыхтя черной вишневой трубкой и филигранно управляя маломощным, болезненно покашливающим, моторчиком на корме хлипкого старенького ялика, доставил нас к берегу небольшого пустынного островка и остался ждать «пока туристы наиграются».

Огни города как в акварельном этюде красиво размылись в туманной дали, а набережная виделась отсюда как тонкая карандашная линия, протянутая по серому шершавому картону. Дождь поливал песчаный пляж острова ровными полосами, а ветер, словно повинуясь чьей-то высокой воле, собирал прямо над нами плотную шапку облаков. Из-под этой самой шапки, смахивающей чем-то на кавказскую папаху или густую копну девичьих волос, то и дело проглядывали яркие солнечные лучи и сразу же пугливо прятались за серой клубящейся массой.

Я сразу понял, что Еве не впервой мокнуть здесь, когда она уверенно повела меня вглубь территории мимо одинокой пихты и зарослей какого-то неизвестного мне цветущего белым цветом кустарника. Как только мы, держась за руки, с трудом преодолевая резкие порывы ветра, оказались на каменистой части острова, она в два прыжка, будто делала это каждый день, обогнула странную г-образного вида скалу и нырнула в скрытую у ее подножия, совершенно незаметную

со стороны, пещеру. Я еле поспевал за моим проводником, в душе удивляясь ее неожиданно проснувшейся прыткости, складывалось впечатление, что ветреное и дождливое ненастье придает силы ее измученному тяжелой болезнью телу. Когда Ева совершала свой виртуозный маневр, моя рука выскользнула из ее мокрой ладошки, и я, проклиная все на свете, грохнулся на острые камни у самого входа в пещеру. Даже не стон, а протяжный хрип раздался из моего горла, когда я наконец вкатился в эту сухую тихую обитель. А моя насквозь промокшая, но сияющая радостью спутница, взглянула на мою кислую мину и подранные на коленях джинсы и звонко рассмеялась. Этот беспечный жизнерадостный смех я впервые услышал после нашей прошлой московской жизни, в которой мы оба были счастливы, и на душе сразу стало тепло и покойно, так же как в этой маленькой уютной пещере.

– Несмотря на твою вопиющую медлительность, нам удалось не опоздать. Концерт начнется с минуты на минуту…

Я еще не понимал, что должно произойти, и рассеянно оглядывался по сторонам. Пещера представляла собой небольшой грот с высоким полукруглым сводом и косо смотрящим в небо, абсолютно круглым выходом. Это, как будто высеченное в камне умелой рукой, отверстие находилось прямо под большим козырьком, образуемым той самой г-образной скалой. Благодаря такой удивительной природной конструкции со дна пещеры как в большой телескоп можно было беспрепятственно обозревать небесную высь, и быть

надежно защищенным от любых осадков сверху.

Едва скользнув взглядом по стенам нашего временного убежища, она быстро скинула с себя всю мокрую одежду и заставила меня раздеться донага. Удивительно, но через несколько минут мое продрогшее до костей тело укуталось сухой теплынью, когда же Ева окунулась в мои объятия, я почувствовал каждой клеточкой кожи исходящий от нее жар. Она стояла, плотно прижавшись ко мне спиной и, запрокинув голову, завороженно смотрела в небо, устремив взгляд в высокую даль через круглый выход из пещеры, словно сквозь большую прозрачную линзу.

Я вольно или невольно поддался ее настроению и так же зачарованно наблюдал за кусочком ветреного дождливого пространства за пределами нашего сухого и тихого приюта. Не ожидая ничего необычного, я просто включился в придуманную Евой игру, еще не зная ее правил, если они вообще существовали. Так мы и стояли, застыв на месте и прижавшись друг к другу, в ожидании какого-то необъяснимого чуда, словно наивные дети накануне светлого праздника Рождества.

С наслаждением вдыхая полными легкими неповторимо упоительный запах ее тела и влажный дурманящий аромат волос, я благодарил судьбу за эти благословенные мгновения. Душа моя трепетала от переполнившего ее давно забытого ощущения безбрежного блаженства. Сладостная тихая нега укутала нас своим зыбким, но до боли желанным, спо-

койствием. Только звук двух бьющихся в унисон сердец мягко нарушал эту пьянящую тишину.

Как будто исполняя мое заветное в эти минуты желание, время замерло и остановилось навсегда. О большем счастье я не мог и мечтать.

И вдруг в одно мгновение все вокруг изменилось, будто кто-то всесильный невидимой кистью покрыл свежей палитрой цветов окружающее нас пространство. Что-то подсказывало, что обещанный мне концерт начинается. Серые грозовые облака над нами стремительно разверзлись, и все свободное пространство пещеры мгновенно напиталось слепящим солнечным светом, который как через горлышко громадного кувшина вязкими золотыми струями заливался внутрь. Повинуясь легким порывам ветра в это же горлышко бриллиантовой пылью, чудесно искрящейся на солнце, стали сыпаться мелкие почти невидимые дождинки. И в этот самый миг случилось невероятное! Одновременно с солнечно-бриллиантовым явлением грот стал наполняться волшебным неземным звуком, который кружился вокруг нас, мягко огибая каждую неровность на стенах и сводах, проникал в наши нагие, ничем не защищенные тела, впитывался порами кожи и принимал в свои нежные объятия зачарованные любовью души, которые стонали в ответ, захлебываясь в райском наслаждении. Все материальное вокруг в один миг перестало существовать, наши тела и души единым неразделимым целым погрузились в блаженную вечность, в которой

были только мы и песня дождя.

13

В то, что жизнь не покинула меня, и я по-прежнему ощущаю ее в себе, поверил не сразу. Ева, обхватив мою шею своими тонкими нежными руками, ровно и безмятежно дышала. Кажется, этот сон мог длиться бесконечно, но кто-то, мягко коснувшись щеки, вывел меня из счастливого забытья. Небо над нами полностью очистилось от туч и приняло нежно-розовый цвет ранней зари. Утреннее теплое безветрие, словно плотным покрывалом накрыло тишиной весь остров. Воды вокруг были также безмолвны.

О недавнем дожде ничто не напоминало. Только что-то приятным отголоском саднило внутри, как будто там задержались и не желали выветриваться обрывки впервые услышанной мною песни дождя.

Вы спросите: как же звучит эта самая песня дождя? А я не смогу ответить. Не смогу, потому что это невозможно выразить существующими на свете словами на всех языках и диалектах мира. Да и не буду даже пытаться. Вы все равно не поймете. Сказать, что эта песня звучит *красиво,* – значит, бездарно обрисовать эти восхитительные неземные звуки. Сказать, что она звучит *величественно,* – это означает серо, вяло и непростительно заурядно слепить представление об этом удивительном явлении. Да и сказать, что песня дождя *звучит,* – посеять ложь об этом странном и непонятном для

живущих на Земле феномене. То, что посчастливилось мне, нет, не услышать, а *познать*, в тот серый дождливый вечер, не поддается общепринятому описанию, так как находится *намного выше* всех известных нам материальных понятий и определений. Остановимся на этом.

14

Вернувшись в изнывающую от августовского зноя Москву, я сразу же стал названивать в Торонто. Лишь пятая или шестая попытка увенчалась успехом.

– Медицинский центр, – ответил бесстрастный женский голос.

От неожиданности я немного замешкался, но все же поборол волнение и даже заставил себя говорить спокойным ровным тоном, тщательно выговаривая английские слова:

– Добрый день, мэм! Я хотел бы справиться о состоянии здоровья пациентки вашей клиники Евы Полонской.

– Вы ее родственник? – не меняя интонации, спросили на том конце провода.

– Да! – заорал я в трубку, – родственник! Близкий родственник!

– Мы не даем такую информацию по телефону. Если вы действительно родственник, должны это знать. Для доступа к интересующим вас сведениям на официальном интернет-ресурсе нашего центра воспользуйтесь персональным паролем, выданным вам клиникой.

– Ладно, – немного успокоившись, взмолился я, опасаясь, что мой заокеанский абонент бросит трубку, – скажите только – она жива?

– Мы не даем такую информацию, – отчеканил заученную

фразу тот же бесстрастный голос.

– Соедините меня с заведующим отделением! – не сдавался я.

– У меня нет таких полномочий, сэр.

– С директором центра! Министром здравоохранения, чтобы вы все там провалились!

– До свидания, сэр…

Прежде чем связь прервалась, я услышал, как тот же уже ненавистный мне голос на том конце провода кому-то сообщил: «Какой-то ненормальный русский, к тому же еще и пьяный…»

Через два дня знакомый хакер Светки Мигулиной по имени Славик совершенно бесплатно, исключительно из спортивного интереса, у меня на глазах легко и грациозно взломал сайт клиники редких заболеваний Саннибрукского центра медицинских исследований.

Ева Полонская в списках ее пациентов не значилась.

15

– Не сходи с ума, Ракитин! – успокаивала меня Светка Мигулина, когда я заявил о желании взять банковский кредит для очередной поездки в Торонто. – Если она жива и действительно тебя любит, сама найдет способ заявить о себе.

Светка, в отличие от меня, всегда рассуждала здраво, без лишних эмоций и сентиментальностей. На этот раз на меня это подействовало особенно отрезвляюще. И вместо того чтобы идти в банк за кредитом, я сорвал с вешалки свой старый заношенный плащ и, едва набросив его на плечи, бросился бежать по одному мне известному маршруту. Темные, петляющие в гуще деревьев, аллеи Нескучного сада вели меня к Александринскому дворцу, где я надеялся застать Сашку Макушина, открывавшего здесь сегодня свой очередной вернисаж с условно поэтическим названием «Прощание с августом». Полы распахнутого плаща, словно крылья, развевались за моей спиной, а ноги в наспех зашнурованных ботинках без разбору шлепали по бесконечным, блестящим при свете фонарей, лужам.

До завершения выставочного дня оставалось десять минут, когда я оказался в вестибюле дворца, где при свете софитов Сашка позировал для щуплого длинноволосого фотографа на фоне собственного автопортрета. Цель моего визи-

та я узрел сразу, ее трудно было не заметить в новой вычурной раме под неоновым светильником.

Воспользовавшись благоприятным моментом, пока фотограф деловито прикручивал сменный объектив к корпусу фотоаппарата, я подскочил к Сашке:

– Продай мне «Песню дождя».

Он в изумлении выпучил глаза, а потом громко раскатисто рассмеялся.

– «Безликую Еву»?

– Нет, «Песню дождя», у нее наконец будет лицо. Такое же красивое как в жизни…

– Да ты в своем уме? – как всегда, театрально вскрикнул мой друг и покосился на фотографа (тот активно щелкал затвором), – ты хоть представляешь, сколько она стоит?

К нам стали подходить поздние посетители вернисажа, а я был готов у всех на виду сорвать со стены, выломать из этой дурацкой рамы портрет Евы и скрыться с ним в неизвестном направлении. Видать, Макушин, как старый друг, почувствовал мое настроение, и бросил в бой еще один аргумент:

– Ты хочешь запороть мое лучшее полотно?!

Фотовспышка, как яркая молния, раз за разом ослепляла нас.

– Я смогу! – иступлено заорал я и до хруста в пальцах сжал кулаки.

Похоже, что пронзительная искренность моего возгласа,

отражающая неподдельное благородство намерений, все же задела Сашкину еще окончательно не очерствевшую в лучах славы душу, и он «исключительно по дружбе» уступил мне «Песню дождя» за стоимость моего наследства – отцовского гаража в комплекте с раритетным «москвичом».

Ближе к ночи популярные сайты московских творческих тусовок разместили наше с Сашкой «лайфовое» фото с подписью примерно такого содержания: «Александр Макушин подарил свою лучшую работу начинающему художнику». Но мне уже было все равно. Портрет в тот же вечер уютно разместился в моей крохотной мастерской на летней веранде колледжа.

16

«Неделюшка» косметического ремонта в Анжелкиной питерской квартире на деле вылилась в бесконечный кошмар убежденного холостяка. Как только не измывались надо мной! И самыми жестокими пытками, рожденными в Анжелкином изощренном мозгу, являлись ежедневный завтрак овсяной кашей на молоке и тщательное мытье ног перед сном. Это было похлеще, чем отказ от вечерней порции виски и переход на «фужерчик вроде бы французского “сухача”» за ужином. Короче, Анжелка с легкой руки Макушина, и благодаря моей вечной наивности, филигранно втерлась в доверие и правила балом в моей «скромной холостяцкой хижине» на правах хозяйки семейного очага.

– Главное, Ракитин, в твоей безалаберной жизни, – любила она повторять, – это быть своевременно накормленным и перманентно обстиранным. Ей нравилось слово «перманентно», и она применяла его чаще всего не к месту в каждом, как ей казалось, «крылатом выражении». А я не возражал и влачил бесцельное существование жалкого безвольного существа из многочисленного отряда подкаблучников.

– И когда ты, Ракитин, вышвырнешь на свалку эту бесстыжую деваху?

Анжелка в стотысячный раз рассматривала «Песню дождя», одновременно орудуя феном над своим свежевымы-

тым ореолом. Я давился овсяной кашей и делал вид, что все, что происходит в этой квартире, меня совершенно не касается. Моя, как я надеялся, временная сожительница, уже привыкшая к отсутствию какой-либо заметной реакции с моей стороны на «перманентно исходящие из марианских глубин ее души» откровения, скинула к ногам свой японский в желтые драконы халатик и, блеснув великолепной спортивной фигурой, облачилась в вечернее платье для коктейлей, черные под цвет ему чулки и лаковые туфли на высоченных шпильках. Не скрою, выглядела Анжелка в этот момент сногсшибательно!

– Надо бы успеть к открытию, – она неудовлетворенно посмотрела на мой заношенный бесцветный свитерок, – светлейший князь Макушин обещался быть собственной персоной.

Мы собирались на выставку внезапно обретшей мировую известность австрийской художницы Ксении Клауснер. Анжелка грациозно крутанулась у зеркала, обласкав себя самовлюбленным взглядом, и снова уставилась из прихожей на портрет Евы.

– Она перманентно подсматривает за нами, – наглющая квартирантка капризно надула губки, – прогони ее, Ракитин.

Потом она, вульгарно качая бедрами, вернулась к картине и, изображая томным взглядом глубокомысленность, задумчиво произнесла:

– А все же талантливый мужик наш Макушин. Вот что

значит гениальность творца!

Я не стал уточнять, кого она подразумевала под словом «наш». Анжелка считала себя знатоком живописи, так как постоянно таскалась по всевозможным творческим тусовкам, и кое-где ее даже принимали за свою.

– И все же почему он не написал ей лицо?

Не дождавшись ответа, она повернулась ко мне, с воодушевлением натягивающего на ноги любимые «саламандры», окинула мою чахлую ссутуленную фигуру взглядом умудренного служебным опытом следователя и неожиданно как на очной ставке задала очередной вопрос:

– Ты знал ее, Ракитин?

17

Выставка прославленного мастера женского портрета размещалась в Пушкинском художественном музее. Преодолев толпу страждущих, мы – счастливые обладатели дефицитных контрамарок, каким-то чудесным образом добытых Анжелкой у всемогущего Сашки Макушина, ворвались в так ненавидимую мною и так любимую моей сегодняшней спутницей, пропитанную дорогим парфюмом и кричащей безвкусицей в моде и воззрениях на искусство, атмосферу столичного творческого бомонда. Я никогда не понимал и, наверное, уже не пойму, почему во время открытия художественной выставки любого содержания – от авантюрно-примитивного до возвышенного и гениального – в одном месте собирается столько называющих себя «богемой» маргинальных личностей, безнадежно далеких от искусства? Почему произведения высокого искусства руки талантливого автора, выставленные по воле их создателя, невольно становятся предметом обсуждения тех, кто не вправе их обсуждать, по причине собственного невежества и беспросветного ханжества в отношении ко всему материальному и духовному? Почему гениальные полотна служат ярким фоном для многочисленных селфи и гламурных инстаграмных фото губастых девиц и бесполых мажоров? Эти и другие подобные вопросы широким пестрым занавесом заслоняли от меня то, что

достойно пристального изучения, созерцания и восхищения. Сегодняшний «вертеп» я воспринимал в этих же тонах, хотя считал себя поклонником творчества Ксении Клауснер, ее легкой руки и незаурядного взгляда на действительность, порой серую, неинтересную и часто порочную. Опытным взглядом я замечал тех, кто пришел сюда не из праздного интереса, их было немного, но они, слава Богу, здесь были. Жались в своих заношенных свитерках и потертых пиджачках к картинам, вполголоса, как принято в храмах искусства, переговаривались между собой, невыразительно, как бы извиняясь перед почтенной публикой, посматривали по сторонам и скромно отказывались от шампанского. Но стоило внимательней присмотреться к ним, как замечалось, что когда их взоры устремлялись на холсты, лица их светились особым благостным сиянием. Я знал всех этих талантливых незаурядных людей, со многими учился в «репинке», кое с кем познакомился на пленэрах и выставках, и по-своему ценил каждого из них.

Хозяйка вернисажа, пожилая седовласая дама в туфлях-лодочках и сером брючном костюме, подчеркивающем все линии ее хорошо сохранившейся фигуры, грациозно похаживала по залам с фужером искрящегося под ярким светом шампанского, охотно откликалась на просьбы сфотографироваться и с явным удовольствием раздавала размашистые автографы. Мы случайно зацепились друг за друга взглядами, и мне показалось, что она посмотрела на ме-

ня чуть внимательней, чем на обычного человека из толпы. Не отводя лица, художница доброжелательно улыбнулась, блеснув ровным рядом ослепительно белых зубов. Проходя мимо, я снова ощутил на себе ее пристальный изучающий взгляд.

За мной увязался давний однокашник и приятель Миша Осипов, почитатель и проповедник всех без исключения течений современного авангарда. Он и привел меня к этой незаметной из центра зала работе, скромно покоящейся в самом дальнем его закутке.

– Посмотри-ка, Ракитин, какая прелесть! Такое сотворить в аля-приме… – наслаждаясь увиденным, он звучно зацокал языком. – Эта девочка будто сошла к нам с небес. [12]

А я не верил своим глазам. С большущего без рамы холста на меня смотрела моя Ева, в синем под горло свитере, рыжеволосая, с так любимым мною ясным изумрудным взглядом. За ее спиной, красиво вплетаясь в ультрамариновое пространство, ровными серебряными струями лил дождь.

– Эта моя любимая работа – прозвучал за спиною приятный женский голос, в ее прекрасном английском проскальзывал гортанный немецкий акцент, – я назвала ее с подачи героини «Учитесь слушать дождь».

Я словно прирос к паркету возле этой удивительной картины. Ксения Клауснер встала рядом и влюбленно, словно лаская взглядом, всматривалась в свое произведение. Я же,

---

[12] Одна из разновидностей живописной техники.

с усилием сбросив с себя тяжелое оглушающее оцепенение, спросил:

– Когда был написан этот портрет?

– Не помню, – сразу же ответила она, – может быть, очень давно, а может быть, вчера.

Я подошел вплотную к картине и с удовольствием вдохнул пьянящий запах свежих масляных красок, потом, не стесняясь, хоть так на выставках и не принято, осторожно коснулся полотна и снова обомлел: на кончиках пальцев отпечатался густой сочный ультрамарин.

Картина была написана вчера. А ее автор вдруг волшебно исчезла, словно растворилась в пространстве.

18

Осипов, конечно же, не понял, что произошло, а я и не думал что-либо ему разъяснять, а просто рванул с места как молодая борзая и помчался в поисках госпожи Клауснер сквозь многолюдные гудящие московской богемой залы. В одном из них меня окликнула Анжелка, но я даже не посмотрел в ее сторону. Безрезультатно покружив по всем, выделенным под вернисаж помещениям, я выскочил на крыльцо музея и стал бешено озираться по сторонам.

– Вы – Антон Ракитин? – раздался за моей спиной уже знакомый мне красивый женский голос.

Художница стояла, грациозно прислонившись спиной к колонне, и элегантно держала в красивых длинных пальцах дымящуюся тонкую сигарету.

От волнения я не нашелся, что ответить, а она достала из белого лакового ридикюля сложенный вдвое бумажный листок и протянула мне.

– Ничего не спрашивайте. Я ничего не знаю, – упредила она все мои вопросы, и через мгновение ее снова поглотила пестрая, разномастная, вальяжная, галдящая, благоухающая дорогим парфюмом толпа.

Я сжимал в дрожащей от волнения руке врученный мне листок и, с трудом сдерживая бешеное биение сердца, с первыми каплями теплого майского дождя в ожидании чуда раз-

вернул его. И на дорогой текстурной бумаге прочитал три слова, старательно выведенных убористым и до боли знакомым мне подчерком: *«Мечты обязаны сбываться»*. С первого прочтения этой простой и в то же время загадочной фразы я ничего не понял. И после второго и третьего. Как зачарованный бегал глазами по этой чернильной строке и пытался понять ее потаенный смысл. Даже не заметив, как оказался в родном дворе, у самого подъезда я столкнулся с хмурым густобровым мужичонкой, сутуло несущим пухлую почтальонскую сумку на плече. Ни от кого письма я не ждал, к тому же сто лет не пользовался услугами почтовой связи, поэтому прошествовал мимо, из приличия невыразительно кивнув ему головой. Но у самого входа меня остановил хрипловатый прокуренный тенорок:

– Вы из шестнадцатой?

После утвердительного ответа мне вручили заказное письмо в казенном конверте. Наш дом давно стоял в очереди на снос, поэтому я был уверен, что мне всучили очередное, пятое по счету, уведомление о выселении с предложениями жилья в новостройке у черта на куличках.

Оставшись нераспечатанным, конверт сиротливо лежал на кухонном столе рядом с Анжелкиной громадной чашкой с остатками утреннего кофе, а я в сотый раз пялился на текстурную бумагу с тремя изрядно размытыми дождем словами.

«Мечты обязаны сбываться». Обязаны, Ева? Это ты хо-

рошо придумала! Да вот что-то не сбываются! Что не задумаешь, все летит в тартарары. Зарплата – копейки! Картины – не продаются! Жилье отбирают! Впереди одна безысходность – и ничего больше. Даже любимая девушка, с которой я наивно связывал надежды на простое человеческое счастье, смылась как акварельный этюд под дождем. Где ты, Ева?! С кем ты сейчас?! К чему эти тайны?!

Для временного наведения порядка в голове я без удовольствия опорожнил давно ждущую своего часа бутылку «Арарата» и до утра впал в посталкогольное безвременье. Мне снилась Ева, босиком танцующая под проливным дождем при свете яркого весеннего солнца. Я любовался этим чудесным танцем, и сердце мое заходилось от любви к этой удивительной девушке. А она вдруг остановила свое стремительное фуэте и пушинкой повисла у меня на шее. Ее мягкие, пахнущие мятой, губы лаская свежим дыханием ухо, нежно прошептали:

– Дурачок, неужели ты забыл свою мечту?

19

Первое, что я достаточно ясно увидел следующим утром, это была записка от Анжелки: *«Переехала к А. Макушину. У него теплее»*.

«Утро начинается удачно. Мне не придется давиться ненавистной овсяной кашей. Надеюсь, дальнейшие события будут не хуже», – подумал я и поплелся просить у Светки Мигулиной таблетку от головной боли.

Вернувшись с бутылкой холодного пива, я приложил ее ледяным запотевшим бочком к саднящему тупой болью виску и вскрыл вчерашний конверт. Несколько раз пробежавшись по извлеченному из него документу, сначала решил, что или почтальон, или почтовое отделение, или отправитель ошиблись адресом. Однако «наведя резкость» в туманном после вчерашнего взоре, обнаружил на красивом бланке с шестизначным номером, водяными знаками и гербовой печатью свою фамилию. Документ назывался «Свидетельством о регистрации недвижимого имущества» и гласил, что я со вчерашнего дня являюсь владельцем «помещения мансардного типа общей площадью 210 квадратных метров под производственные нужды, расположенного по адресу: г. Москва, Большой Златоустинский переулок, дом 7, строение 1».

Вот она сбывшаяся мечта! «Ты не дурачок, а полный ду-

рак», – сказал я сам себе и в окончательно прояснившейся голове мгновенно как на магнитной ленте воспроизвелся давний разговор с Евой, по обыкновению (она так любила), неспешно смакующийся между поцелуями в утренней сладостной неге в одно из наших счастливых майских воскресений. В этот серый пасмурный день нам не хотелось покидать теплую, согретую горячими телами, пастель. Ежеминутно соприкасаясь носами и губами, глубоко буравя пытливым взглядом глаза напротив, мы задавали друг к другу «неудобные вопросы». Полушутя, полусерьезно оговорили все на свете, даже толстоногую девочку Наташу, мою незабвенную любовь в старшей группе детского сада № 196 города Москвы, и первого полового партнера Евы, женатого учителя классического танца в хореографическом лицее.

Наконец, окончательно измучившись в этой душекопательной викторине, я предложил позавтракать омлетом из всего, что хранил наш вечно дребезжащий холодильник, а именно из трех куриных яиц и крохотного кусочка вареной колбасы. Но Ева пресекла на взлете мой искренний порыв и задала еще один «неудобный вопрос», который меня вначале смутил, но после все же настроил на нужную волну.

– У тебя есть заветная мечта? – она как наивный любопытный ребенок заглянула мне в глаза и в ожидании ответа широко распахнула свои длинные золоченые ресницы.

– Имеется одна давняя мечта, – я снова прилег и заключил ее в свои объятия, – она самая обыкновенная, но, как

мне кажется, несбыточная. Может, она покажется тебе банальной, но я мечтаю о собственной мастерской под небом, просторной с высоким потолком и большими окнами, чтобы днем не надо было зажигать свет.

Она, затаив дыхание, не отрывая от меня глаз, внимательно слушала.

– И еще… – я запнулся.

– Говори же, – она постаралась приободрить меня.

– Даже если у меня никогда не будет это мастерской, ни холстов, ни красок, ни кистей, даже если у меня ничего не будет, я хочу чтобы мы с тобой всегда были вместе.

После этих слов ее лицо сразу же стало серьезным, его тонкие нежные черты стали жестче, а глаза потускнели, потеряв удивительный, так обожаемый мной неземной блеск.

Она медленно соскользнула с меня, накинула на плечи легкий шелковый халатик и подошла к открытому настежь окну.

– Мечты обязаны сбываться, а иначе зачем мечтать…

Тогда я не придал этим словам никакого значения, как оказалось – зря.

20

Еще не веря в свершившееся, на следующее утро я перевез из колледжа в чудесным образом обретенное помещение все содержимое моей, уже бывшей, мастерской заодно с любимой рабочей раскладушкой и дежурной зубной щеткой и в собственной квартире уже не появлялся.

Это глобальное переселение словно вселило в меня давно забытое чувство ослепительного творческого озарения. С безумным упоением сутками напролет я трудился над бумагой и холстами – и на свет появлялись новые карандашные наброски, масляные и акварельные этюдные портреты Евы, бесспорно поражающие своим многообразием. Я сам удивлялся неожиданно проснувшейся работоспособности, при том, что моим основным энергетиком служила заказная пицца между обедом и ужином и стакан крепчайшего приторного чая ночью. Мне казалось, что таким самоубийственным образом я добиваюсь исполнения второй половины моей давней мечты – наполняю ее присутствием мое волшебно возникшее творческое обиталище. При этом я понимал, что все это не то, все это самообман, не присутствие, а зыбкая иллюзия присутствия, и от этого горчило на душе, но руки снова и снова сжимали кисть, и мастерская заполнялась ее образами – разными, не похожими друг на друга, но все их объединяло одно – моя любовь. Она смотрела на меня изу-

мрудным взором с каждой стены, из каждого уголка, каждого простенка этого просторного помещения – и от этого на душе немного, самую малость, становилось легче.

Наконец в один из многих дождливых и унылых дней, когда вода с небес пела особенно красиво, забираясь своей печальной мелодией в самую глубину души, кисть в моей руке робко коснулась «Песни дождя». От волнения пересохло в горле, но в предвкушении творческого наслаждения сердце зашлось томительной сладостной болью. Окинув взором все, что было создано за прошедшие недели, я громко выдохнул и углубился в работу, всем телом и душой впитавшись в этот удивительный холст.

21

Первым посетителем новой мастерской, конечно же, стал Сашка Макушин. Не дождавшись моего «любезного приглашения», он притащился ко мне с бутылкой «Вольфберн морвен» и, окинув оценивающим взором мастерскую, сразу же принялся за изучение моих многочисленных работ. Внимательно осмотрев, все, что я приволок из колледжа, заглянул в папку с графическими набросками, провел пальцем по еще влажному акварельному этюду на мольберте и остановился напротив «Песни дождя». Я был уверен, что портрет он заметил сразу, но умышленно бродил вокруг да около, накапливая нужные слова. Я был готов с пониманием отнестись ко всему, что он скажет, ведь это была его картина… Его, да уже не его…

– Однако, – многозначительно произнес мой друг, – узнаю отличника Антошу Ракитина.

Он приблизил лицо к холсту и близоруко сощурился:

– Лессировочка на пять балов. Глазищи как живые, это всегда был твой конек.

Мне сразу же подумалось: «Неужели в эту приторную патоку он не плеснет капельку дегтя?» И он плеснул, иначе это не был бы Сашка Макушин:

– С зеленью, ты, старик, конечно же, переборщил.

Он отошел от холста на пару шагов, склонил голову на бок

и огласил окончательный вердикт:

– Ты прости, старик, получилось, несомненно, прекрасно, но на себя она здесь не похожа.

– Она похожа на ту, которую знаю я, – ответив таким образом на «конструктивную дружескую критику», я завесил портрет плотной материей.

Когда же он ушел, так и не допив принесенный виски, «Песня дождя» снова увидела свет. Я долго стоял перед портретом и смотрел в воссозданное мною прекрасное лицо.

– Теперь мы всегда будем вместе, – обратился я к моей Еве, и ее сияющие жизнью глаза ответили мне яркими солнечными бликами.

За окнами мягко и ненавязчиво, как легкий блюз где-то в кафе, звучала песня дождя. Она слышалась мне издалека, из неведомой туманной дали. Но я отчетливо слышал, нет, не слышал, а чувствовал ее и наслаждался каждым волшебным аккордом.

22

Осень в этом году выдалась особенно дождливой. Давая кратковременный отдых глазам, воспаленным от постоянного напряжения в непрерывных бдениях над холстами и хронического недосыпа, я подходил к большому от пола до потолка окну и смотрел на мокрый, отражающий неоновый свет, асфальт, редких прохожих, понуро бредущих под зонтами, гудящие клаксонами авто, нервно ползущие в длиннющих змееподобных «пробках». То и дело, оглядываясь на портрет Евы, я словно приглашал ее послушать вместе далекую песню дождя. Но она почему-то не становилась ближе, не приближалась даже на шаг, оставаясь в своем солнечном беззаботном мире.

«Мечты обязаны сбываться». Не так я тогда ответил на ее вопрос. Ведь не эти стены, не эти большие окна и высокий потолок жили в моей мечте. Без нее это все теряет смысл. Без нее эта мастерская, как бы я ее ни пытался наполнить жизнью, остается мертва. Ведь это всего лишь, стены, окна и потолок. Я ждал ее! Зная, что эта мечта никогда не покинет меня, я каждый вечер смотрел на город, мечтая увидеть сквозь мутную стену дождя ту, что неожиданно перевернула мое, некогда кособокое представление о жизни, любви и искусстве творить. Я научился слушать дождь не потому, что во мне каким-то чудесным образом открылся какой-то неви-

димый портал. Вовсе нет. Я, конечно же, остался все тем же Антоном Ракитиным, художником средней руки, простым солнцевским парнем, живущим скромной неяркой жизнью.

– Зачем так? Ты хочешь меня обидеть?

Я здорово удивился, когда услышал от нее такой ответ на мое признание в любви.

– Ты ведь сказал это, потому что посчитал нужным. И выдавил эти слова из себя. Зачем?

Я не знал как ответить, а она, видно, сжалившись надо мной, продолжила:

– Я и так знаю, что ты любишь меня. И слова здесь совершенно ни к чему. Словами часто обманывают, а голосом фальшивят. Старайся не делать этого, и душа очистится от грязи, станет чище… И ты станешь самим собой, а не актером в собственном спектакле…

И я стал собой, таким, как в далеком детстве, будто заново родившимся мальчишкой. Самым настоящим: без притворства, без фальши и лукавства, без хитрости и обмана, без мелочности и ханжества, без желчи и зависти, без похоти и сребролюбия. Не подумайте, это не святость, но как молитву я впустил и навсегда поселил у самого сердца заповедь, ставшую для меня святой:

Слышать, видеть, говорить и творить следует не только глазами, ушами, голосом и руками (это всего лишь инструмент), а прежде всего, чистой душой, до краев наполненной любовью. Только тогда душа мучительно болит в сладостных

терзаниях и открывает сердцу путь к миру новых, ранее не изведанных ощущений. И только тогда в восприятии и отображении этого мира, во всем его многообразии и великолепии, рождается истинная гармония, гармония чувств, образов, действий и помыслов. Только тогда жизнь человека наполняется истинным смыслом, и на свет рождаются великие шедевры, те, что уже никогда не умрут, не исчезнут, не растворятся в мирской суете. Только тогда, даже за самой туманной заоблачной далью, вы услышите песню дождя.

Слышите? За окнами мелко накрапывает дождик. Оставьте на время ваши важные дела. Прислушайтесь, прислушайтесь хоть на мгновенье к этим звукам. Почувствуйте песню дождя. Да нет же, не ушами, а чистой любящей душой.

* * *

Не спится. Сегодня мне, как всегда, не спится, так же как вчера, и так же как будет завтра. Вроде все, как обычно: монотонный день в палитрах и холстах, тоскливый вечер с сидением у окна, томительная ночь с открытыми глазами до рассвета. Одно лишь совсем незаметное событие я сегодня привнес в это серое, пожирающее разум, однообразие – перед тем как погрузить свою вечно болящую голову в лоно старой пуховой подушки, я неожиданно для самого себя решил написать свою «Песню дождя», отличную от портрета руки Макушина, совершенно другую, и вложить в это полот-

но все свое умение, весь талант и душу без остатка. Я еще не знал, как на этом холсте будет выглядеть моя Ева, но уже не сомневался, что это станет моей лучшей работой на все времена, самой главной работой моей жизни.

И сегодня бессонница пришла ко мне не одна. Она коснулась моих широко распахнутых глаз и открыла путь для новой заботы. Образ Евы, живущий в моей памяти и фантазиях, во всем своем безграничном многообразии, кружил передо мной, расплываясь в напитанном солнечным светом радужном дождливом мареве.

«Мечты обязаны сбываться».

Это все не то… Память мне ее уже никогда не вернет. Неужели это так трудно понять? Она должна быть здесь, в этой приобретенной ею и подаренной мне за какие-то заслуги мастерской. Лишь тогда задуманное мною полотно будет наполнено жизнью – не извлеченной из закоулков памяти, не выдуманной на ходу, а самой что ни на есть настоящей – бурлящей молодостью, красотой и любовью.

Для этого есть все: и чистая душа, и безгранично любящее сердце. Нет только ее…

«Мечты обязаны сбываться» – эти простые с глубоким смыслом слова пульсируют в моей голове и пробуждают давно забытое, но по-прежнему сладостное предчувствие предстоящего чуда. В бодрящем предвкушении какого-то радостного свершения я подхожу к окну и размашисто открываю обе створки темного стекла, бликующего огнями большого

города. Густая масса вечернего тягучего ультрамарина лениво переваливается через подоконник и неспешно заполняет пустоту моего скромного обиталища, теплым мехом обволакивает мне плечи и, плавно сползая на пол, греет ноги. Нежная, звенящая диковинными звуками, дождливая морось, понукаемая легким ветерком, орошает мне глаза, щеки, губы, приглаживает мои взъерошенные волосы, будто готовит к сокровенному свиданию. Я слышу, как за спиной перестают тикать стрелки бабушкиных настенных часов, город внизу замирает, будто на громадном живописном полотне, и лишь мигают повсеместно желтым стронцием светофоры да чуть слышно поет задумчивый дождь. Для долгожданного чуда все готово! «Встречай же!» – поет мне небесная капелла и внизу, нет, не на мокром блестящем асфальте, а над самой землей, почти не касаясь ее, парит белый дрожащий при свете полной луны мотылек. Песня дождя, с трудом прорываясь через время и пространство, слышится все сильнее и сильнее, вот-вот наступит ее апогей, и мотылек уже не мотылек, а хрупкая, облаченная в легкий белоснежный плащик, девушка. Уже отчетливо слышно как цокают по тротуару ее каблучки. Она, словно забыв дорогу, растерянно посматривает по сторонам, оглядывается, внимательно смотрит вперед и, наконец, останавливается напротив меня.

Молю небесного создателя, чтобы это был не сон. Хлестко шлепаю себя ладонями по щекам. А она запрокидывает голову и завороженно смотрит вверх. Когда наши взгляды встре-

чаются, я захлебываюсь внезапно нахлынувшим счастьем. Дрожа от волнения и опасаясь, что это волшебное видение сейчас исчезнет, хватаюсь руками за скользкие поручни ржавой пожарной лестницы и, сбивая колени в кровь о ребристые металлические ступеньки, скольжу вниз, на встречу с моей желанной, моей любимой и единственной. Через мгновение мы как когда-то будем вместе, чтобы остаться вместе навсегда.

Дождь, как прежде, поет свою прекрасную песню только для нас двоих.

Москва, Минск
2022–2023 гг.

Спасибо вам за нелюбовь
Рассказ

Моя кисть на холсте не оставит следа,
Окунувшись в нерадостный свет.
На палитре моей не найти никогда,
Черный цвет, серый цвет, грязный цвет.

1

Странно, часы на стене тикают так громко, что каждый звук раскатистым эхом отдается в голове, размеренно пульсируя в висках тупыми оглушающими толчками. Еще минута – и стрелки соединятся воедино на цифре «двенадцать» вверху круглого, истертого временем циферблата. Сейчас раздастся громовой, заглушающий все звуки вокруг, набат. Чувствую, что этого боя мне не вынести. Двенадцать безжалостных ударов под самое сердце, там, где затаилась моя душа, притихла в тревожном ожидании страданий, тех, что разрывали ее не раз на множество бесформенных лоскутов, прежде чем снова сшить грубыми стежками в единое целое и снова назвать все это душой.

Стрелки неумолимо движутся к цифре «двенадцать».

Остаются считаные секунды на то, чтобы покинуть эту обитель вечной печали, трусливо вырваться из ее цепких объятий, плотно захлопнуть дверь за спиной, пролететь три лестничных пролета вниз и, очутившись на открытом, без конца и края, пространстве, бежать, не разбирая дороги, бежать, куда глаза глядят, чтобы никогда сюда не возвращаться. После меня здесь не останется даже памяти. Будет только вот эта абсолютно пустая комната со старинными часами на голой стене, с этим кривоногим круглым столом, такими же косолапыми табуретами и большой хрустальной люстрой на потолке. Ах, да, вот еще этот любимый нами, вечно разложенный, диванчик и, неизвестно где добытый ею, венский стул с некогда золотыми коронами на протертой до дыр обшивке. А там у самого окна – хлипкая полочка с фотопортретом в белой рамке. Два счастливых лица на нем мне знакомы. Смогу ли я их забыть? Так же как вычеркнуть из памяти небо, море и горы за их спинами. Разве так можно – стер из воспоминаний и их уже нет, этих обуянных счастьем людей и так любимых ими когда-то лазурных высей, морских далей и острых скалистых вершин? Можно! – сам себя в этом убеждаю и верю в это с трудом.

Мне незачем избавляться от этого снимка, пусть стоит себе, пылится на полочке, ведь то, что на нем изображено, никогда не было и быть не могло. Я так решил, чтоб быть сильнее. Но старые часы продолжают свой ход, с каждым шагом сближая маленькую и большую стрелки. Тик-так, тик-так…

2

Тик-так, тик-так – тупой болью отдается в голове. «Эти часы волшебные, – как-то сказала Она, бережно поглаживая ладошкой запыленный циферблат. – Они способны поворачивать время вспять, нужно только очень захотеть». Я тогда рассмеялся, а Она даже не улыбнулась. Старинные часы с маятником достались мне в наследство от бабушки и деда, их подарила им во время офицерской службы деда на Южном Сахалине старая японка, соседка по дому. С тех пор они ни разу не остановились и исправно отбивали время каждый час днем и ночью. Достаточно было ежедневно без каких-либо усилий заводить их маленьким фигурным ключиком с узорчатой головкой.

Тик-так, тик-так… «Как только стрелки покажут двенадцать, все можно вернуть назад, надо только очень этого захотеть, – мне уже было не смешно, а Она не унималась: – Ты слышишь меня? Только очень захотеть».

Как давно это было. Ее здесь нет, и меня в этих стенах уже ничто не держит, кроме нескольких цветных воспоминаний. Моя память удивительным образом сохранила эти цвета не истлевшими, не тронутыми временем, цвета наслаждения чувствами, цвета радости и чистой любви, цвета жизни.

Совсем скоро скромный домик на окраине маленькой полесской деревеньки примет меня с моими холстами и мо-

им неуемным вдохновением. А сейчас: тик-так, тик-так… Стрелки мягко с легким шуршанием коснулись цифры «двенадцать», сразу же сработала пружина, деловито зажужжала, как вспорхнувшая в небо пчела, и раздался первый удар.

3

– Бом!

– *Раз,* – произнес я вслух.

– *Оранжевый?!* Вы изображаете этот прекрасный розовый закат оранжевым?! Хм…

Голос за моей спиной явно принадлежал какой-то несмышленой девчушке и был молодым, звонким и чересчур уверенным, что часто бывает у задиристых «неоперившихся птенцов». Мне даже не хотелось оборачиваться на этот посторонний шум. Яркий морской закат упорно не поддавался повторению кистью, и акварельный этюд в стиле «алла прима» готовился покинуть меня в виде очередного бумажного кораблика, качающегося на лазурных волнах, обреченного размокнуть и погрузиться на дно морское.

В какие-то времена выбрался на береговой пленэр, специально, чтобы избежать таких встреч, притащился к этим скалам ни свет ни заря – и вот вам, пожалуйста, – нарвался на доморощенного критика!

– Хотите провести мастер-класс по написанию морских закатов? – я не обернулся к «критику» и процедил эти слова с нескрываемой досадой сквозь зубы.

– Мне это не дано – сразу же ответила она, – но со зрением у меня все в порядке, поэтому ясно вижу, что этот закат

ярко-розовый!

«Боже, за что мне это?! – сразу же мелькнула мысль, – специально притащился на майский пленэр в Ниццу, чтобы написать что-нибудь стоящее, и до сих пор не могу настроиться на работу. И тут еще она».

Не успел я обдумать мои «боевые действия» против этой неожиданной помехи в реализации грандиозных замыслов, как дерзкая незнакомка волшебно возникла предо мною во всем своем прелестном обличии.

С таким трудом копившиеся во мне едкие слова так и не вырвались на свободу. Ей-богу, Она была прекрасна! Милое узкое лицо с чуть приподнятыми скулами, громадные глаза и полные губы, густая копна выбеленных солнцем пшеничных волос и фигура Афродиты кисти Франса Флориса. Девушка была в легком купальнике и придерживала красивой рукой на плече белое махровое полотенце. Она была не так молода, как мне показалось на слух, но и далека от бальзаковского возраста.[13]

Видно, заметив мое замешательство, Она галантно извинилась:

– Вы простите меня за столь вероломное вторжение в вашу творческую идиллию. Но я давно наблюдаю за вами вон из-за тех серых скал, – она повернула вполоборота голову, и

---

[13] Франс Флорис де Вриндт Первый, или Старший — фламандский художник, автор картины «Суд Париса» (1559–1561), где одним из главных персонажей является древнегреческая богиня Афродита.

я узрел тонкую голубую жилку, пульсирующую на ее длинной загорелой шее.

– Ваши движения были настолько завораживающими, что я не утерпела и решила узнать вас поближе. Вы же не будете против?

Конечно же, я не был против! Она не назвалась по имени, я тоже не стал спешить с официальным представлением.

– Я обычно купаюсь здесь на рассвете голышом. Место укромное, и я привыкла в это время плавать в одиночестве. И тут вы.

Я был удивлен искренности, с которой она общалась со мной. Мне казалась, что Она даже рада нашей неожиданной для обоих встрече.

– Вы же профессиональный художник? Не любитель? Ого! Настоящий художник! – это прозвучало с таким неподдельным восторгом, что я с удовольствием растянул в доброй улыбке свой, давно не улыбавшийся, рот, а Она не прекращала улыбаться, – мне никогда не доводилось так близко общаться с настоящим художником.

Я не знал, что ответить, лишь завороженно смотрел, не мигая, на эту удивительную красоту и молча наслаждался ею. По всей видимости, мой пристальный взгляд ее нисколько не смущал, и затянувшуюся бессловесную паузу Она решила прервать очередной неожиданностью:

– Хотите, искупаемся вместе? Вода сейчас немного прохладная, но это даже хорошо – закаляет и придает бодрости

на весь день.

Предложение застало меня врасплох, и я допустил очередную бестактность:

– Искупаться? С вами? Голышом?

Она залилась жизнерадостным смехом и с укоризной сверкнула на меня взглядом:

– Почему же голышом? Для этого мы недостаточно знакомы. Как, кстати, вас зовут?

Я приоткрыл рот, чтобы ответить, а Она вдруг бросила полотенце на песок у моих ног и стремительно побежала к воде. Ее стройные загорелые ноги почти не касались земли, их грациозное движение было достойно кисти лучшего на свете живописца. Я догнал ее и неумело плюхнулся носом в волну после того как Она тонкой стрелой вонзилась в изумрудную толщу утренних вод и вразмашку поплыла навстречу восходу, скользя по морской глади, словно яркая красивая рыбка.

Я не очень хорошо плаваю, но, пересилив природную боязнь воды, догнал ее уже достаточно далеко от берега и, напрягая всю свою волю и силы, поплыл рядом, как неуклюжий малек рядом с опытной обитательницей морских просторов. Опасность нешуточно щекотала нервы, но в эти минуты я почувствовал себя абсолютно счастливым человеком. И это необъяснимое ощущение, на удивление, не покинуло меня, даже когда мое изможденное дальним заплывом тело с позволения прекрасной незнакомки без сил осело в холодный колючий песок рядом с нею.

Так мы провалялись на пляже, болтая обо всем на свете, до полудня, но мне показалось, что прошел всего лишь короткий счастливый миг. Когда же подошло время прощаться (Она куда-то опаздывала), я осознал, что выложил ей как на духу всю свою не слишком удачную жизнь, но не получил ни грамма взаимности. Она так и осталась для меня загадкой. Весь вечер и всю ночь в состоянии влюбленного мальчишки я ждал новой встречи, заснул только под утро и видел во сне мою новую знакомую во всем ее божественном великолепии.

Как только над неспокойным морем показался алый краешек восходящего солнца, я набросил на плечо ремень этюдника и, едва не сбив в тихом коридоре утреннюю горничную, что есть сил бросился к месту нашей вчерашней встречи. Наивный юнец, я даже и не помышлял о том, какое разочарование меня ждет. Я прождал ее весь день и уже на закате, голодный и злой, вернулся в отель. «А что ты ожидал, безродная дворняга? Чтобы эта породистая хищница воспылала к тебе неземной любовью? Как бы не так! Знай свое место, глупый плебей!», – я беспощадно избивал себя своими же мыслями. Успокаивало одно: в этот день, испытывая невероятный душевный подъем в ожидании ее очередного пришествия, «настоящий художник» написал несколько радующих взгляд морских этюдов, а значит, время на том скалистом берегу я все же провел не зря.

4

– Бом! – раздался и завис в воздухе еще один удар.

– *Два*, – сосчитал я.

Синие ультрамариновые тени от высоких кипарисов образовались сами собой, от случайных подтеков акварели, это придало пейзажу особенный колорит. Я сразу же решил, что эта работа хорошо впишется в мою очередную выставочную экспозицию.

Сегодня, с невероятным трудом преодолев навязчивое желание, я не пошел к знакомым скалам, а устроил свой пленэр в каменной беседке с колоннами на берегу маленькой уютной бухты. Несмотря на разрывающую сердце душевную муку, при виде бушующей морской стихии мне неожиданно удалось поймать так любимый мною творческий кураж. И моя кисть, повинуясь фантазии хозяина и его творческому замыслу, под лучами восходящего солнца с упоением колдовала над мокрым текстурным листом, превращая его в колоритный кусочек этого капризного рая.

Когда этюд был закончен, я почувствовал ее присутствие за моей спиной, ее свежее размеренное дыхание, пьянящий запах ее молодого красивого тела. На этот раз я не испытал даже малейшего раздражения, напротив, сердце до краев наполнилось приятной негой и сладостным ожиданием чуда.

– Ну вот, сейчас я вижу руку мастера! – ее голос звучал как самая волшебная мелодия на свете, – это гениально! А тени-то, какие прекрасные тени!

И неожиданно поделилась откровением:

– А я от мужа ушла…

– Ради меня? – не оборачиваясь, спросил я.

– Ради себя…

Я не дал ей закончить, резко обернулся, опрокинув на пол этюдник со свежей работой, и жадно обнял губами ее мягкие теплые как лето уста. Она обхватила мою шею тонкими гибкими руками и прижалась ко мне всем своим горячим, пахнущим морем и майской акацией, телом. Время для нас обоих остановило свой размеренный ход.

Мы снова провели на пляже весь день. Нам никто не мешал. Курортный сезон в Ницце еще не открылся, и побережье было совершенно пустынным. Только шершавый шум прибоя ненавязчиво напоминал о том, что жизнь идет своим чередом и совершенно не зависит ни от нас, ни от наших желаний.

5

– Бом!.. – часы издавали мелко дребезжащие в пространстве мелодичные удары.

– *Три*, – продолжал я этот вроде бы простой и предсказуемый счет.

– *Желтый.* Снова желтый! И здесь желтый, и здесь…

Я застал ее в моей мастерской, где Она с искренним удивлением во взгляде внимательно изучала мои новые работы, воодушевленно комментируя результаты наблюдений вслух.

Прошло два месяца с того дня, когда рейсовый авиалайнер, с трудом преодолев накрывший добрую четверть земного шара грозовой фронт, доставил нас в Минск. Быстро забыв своего француза – мужа, трехэтажный особняк на берегу моря и новенький «феррари» в гараже, Она с удовольствием, как мне казалось, взвалила на свои красивые плечи незавидную ношу домашней хозяйки, которая совершенно не подходила к ее ангельской внешности. Это она быстро поняла сама и стала постепенно гасить свой случайно разгоревшийся хозяйственный пыл походами по бутикам, фитнес-клубам, спа-салонам, а также новыми подружками и еще какими-то делами, о которых предпочитала не распространяться.

Единственное, что в ней оставалось неизменным со дня нашей первой встречи, так это безграничное восхищение

моим умением рисовать и какая-то фанатичная преданность всему, что связывало меня с этим умением. Я наслаждался ее присутствием в моей жизни, не веря, что это происходит со мной. В этом волшебном состоянии мое творчество наполнилось новым дыханием, и из-под кисти, одно за другим, рождались новые яркие и неординарные полотна.

Она могла часами засиживаться в мастерской в одиночестве или наблюдать за моей работой, скромно устроившись в уголке комнаты, иногда раздражая меня своими наивными вопросами и, как мне казалось, совершенно неуместными замечаниями. Вот и сейчас:

– Мне кажется, что ты злоупотребляешь желтым. Он на твоих холстах присутствует повсеместно. Это явный перебор. Неужели ты сам этого не замечаешь?

Я тяжело вздохнул. Она заинтересованно, в ожидании какой-либо реакции, посматривала на меня. Я легко представил, кого Она сейчас видит перед собой: мужика без возраста в заляпанном живописным разноцветием халате, чрезмерно худого, ссутулившегося от вечного карпения над мольбертом, с бледным лицом со впалыми бесцветными глазами и густой с ранними сединами бородой. Кем был этот мужик для нее, я не знал, и знать не мог. Я просто любил ее, не требуя взаимности.

– Стронциановый в чистом виде я почти не использую, он слишком едкий, а кадмий желтый действительно люблю. Это, если хочешь, моя визитная карточка – использовать

желтый колор для придания полотну наибольшей теплоты.

Я сделал небольшую паузу, чтобы убедиться, что мое объяснение понято, но она ничем не выдавала свое отношение к услышанному. Только в широко открытых глазах появилась крохотная капелька легкого разочарования.

Откровенно скажу, что любой, уважающий себя художник не приемлет никакой критики со стороны людей не сведущих в искусстве, как бы внешне это не выглядело. Конечно же, он усиленно делает вид, что прислушивается к мнению дилетанта, но все равно поступает по-своему, как велит ему его внутренний голос, душевный настрой и личные убеждения.

– Соглашусь, что это невесть какой мудреный прием, но он срабатывает. По этой теплоте мои работы узнают, и не только на родине.

– Ах вот оно что! – притворно удивилась Она, и в ее глазах заиграли озорные огоньки.

Я уже было расслабился, считая, что тема исчерпана, но в очередной раз ошибся. Она, как всегда, была непредсказуема.

– Хорошо было бы вот так и в жизни – мазнул, где пожелал, желтым и сразу же стало теплее – в природе, в душе и в человеческих отношениях.

Мне понравились эти слова.

– Красиво сказано, но на то оно и искусство, чтобы совершать то, что в реальной жизни невозможно. Насколько

мне известно, даже в классической фотографии повсеместно применяются цветные фильтры, но живописный арсенал гораздо многообразнее.

– Мне трудно это понять, наверное, поэтому я являюсь непреклонным приверженцем классического реализма и решительно отрицаю любой авангард как псевдо-искусство, – уверенно парировала Она.

– Ты отрицаешь Дали, Малевича, Сяогана и Рихтера?! Однако! – искренне возмутился я – не могу согласиться с твоим заблуждением, но, к сожалению, так думает добрая треть населения планеты.

– Треть Земли заблуждается? Все же радует, что в этом я не одинока. Значит, это правильное заблуждение.

Утром следующего дня она навесила на оконный карниз над холодным зимним стеклом желтый прозрачный тюль, и в нашей единственной жилой комнате сразу же стало теплее.

6

– Бом!.. – маленький молоточек исправно касался крохотного гонга в глубине часового механизма.

– *Четыре,* – завороженно вторил я этим чудесным звукам.

– *Бордовый*… Присмотрись внимательно, этот гобелен был когда-то бордовым и истерся со временем.

Она бережно, как что-то особенно ценное, кончиками тонких красивых пальцев поглаживала спинку старинного венского стула, который притащила невесть откуда, когда меня не было дома, и установила в углу возле окна.

– Это же самый настоящий «Тонет». Может быть, он не так красив, как новый, зато удобен и надежен, я пользуюсь им с удовольствием и при этом получаю истинное эстетическое наслаждение.[14]

Она загадочно улыбнулась и одним почти незаметным движением скинула на пол легкий атласный халатик, оставшись нагишом, грациозно устроилась на стуле, поджав одно колено под себя и свободно разместив свои красивые руки на отшлифованных временем, гладких как лед подлокотниках. Откинув на спину густую копну пшеничных волос, Она открыла небольшую красивую грудь с маленькими темными

---

[14] Мебельная фирма «Братья Тонет», созданная в 1850 г., производила венские стулья.

сосками. Ее громадные серо-голубые глаза сверкали зовуще, приглашая к безумной любовной игре.

– Не шевелись! – в запале воскликнул я.

Она послушалась, только легким поворотом головы обратила лицо навстречу бьющему из распахнутого окна солнечному свету.

Не прошло и часа, как из-под моей руки возник довольно неплохой графический портрет обнаженной красавицы. Я, недолго думая, назвал его «Незнакомка на венском стуле».

– Почему незнакомка? Разве ты не знаешь моего имени? – притворно обиделась Она, внимательно изучая портрет. Я видел, что ей понравилось, и внутренне гордился собой.

– Пусть для всех, кроме меня, ты будешь незнакомкой.

– Ты собираешься его демонстрировать всем?

– Он твой и тебе решать.

На моем весеннем вернисаже во дворце искусств молодой смуглолицый латинос в алом палантине и белоснежной шляпе предложил за этот графический этюд круглую сумму. Я отказался.

– Зря, – сказала Она, – разве тебе не нужны деньги? А портрет ты нарисуешь снова.

– Такого как этот уже не будет никогда. Это же миг, вспышка, озарение, которое невозможно повторить! Следующее такое состояние, если оно наступит, будет уже другим.

– Раз так, то продай его дорого, – Она произнесла это самым обыденным тоном, как будто речь велась о чем-то само

собой разумеющемся.

– Это же твой портрет, и ты вправе делать с ним все, что пожелаешь, – я постарался побыстрее погасить ее пламенеющий напор.

Единственной моей работой, которая не была продана на этом многолюдном вернисаже, был карандашный этюд с незнакомкой на венском стуле.

7

– Бом!.. – чеканили свою монотонную песню часы. Нет, это были не просто последовательные металлические звуки старинного часового механизма. Я слышал чудесную мелодию, с каждым ударом погружающую меня в лучшие мгновения моей жизни.

– *Пять,* – отметил я начало очередного такта.

– *Белый* – это цвет или отсутствие цвета? – спросила она, осторожно поглаживая тонкой ладонью только что натянутый на подрамник и загрунтованный холст.

– Отсутствие цвета – это прозрачность, а белый – это полноправный цвет, его нет в стандартном цветовом спектре, но его значение ни у кого не вызывает сомнений, – немного помедлив, отозвался я. – Невозможно представить, как писались бы зимние пейзажи без белого, ведь это один из немногих колеров, который невозможно получить путем смешения других цветов, как зеленый или оранжевый. Он натурален и в искусственном суррогатном виде не существует.

– Как любовь… – внезапно заметила она, – да, да, любовь. Ведь априори она не может быть искусственно созданным суррогатом.

«Странное сравнение», – подумал тогда я, но вслух произнес неопределенное:

– Конечно…

Она, словно не услышав мое «конечно», продолжила:

– Любовь определенно в момент своего рождения имеет белый цвет, такой же чистый и невинный, как выпавший на рассвете первый снег. На его поверхности еще нет никаких следов, нелепых снеговиков, крепостей и горок с орущей детворой. Любовь – как этот свежий холст в твоей мастерской, ожидающий пришествия цвета. Через какое-то время его поверхности коснется кисть живописца, и он уже никогда не будет прежним – свежим и целомудренно чистым. И его новое состояние полностью зависит от вдохновения, настроения и мастерства художника. Его можно сделать известным на весь мир шедевром или бездарно замарать.

– Однако, – Она продолжала удивлять меня, и я постарался хоть как-то подыграть, – глубокая философия, я бы назвал ее «цветная философия любви».

– Называй как хочешь, но это моя философия, лично придуманная мною, – Она снова осторожно притронулась к холсту, – готова отстаивать авторское право.

Мне показалось, что Она не шутит.

– Ты же помнишь нашу первую встречу? Ну да, это трудно забыть, когда нежданно-негаданно перед тобой появляется твоя мечта.

Я и не думал возражать, так как это была сущая правда, как и то, что прозвучало следом.

– В тот миг ты влюбился в меня, словно натянул на

подрамник новый, только что загрунтованный белоснежный холст. И стал по своему усмотрению мазать его своими красками, теми, что тебе близки и понятны, не спрашивая меня, как простую натурщицу – близки ли мне и понятны эти цвета?

Мое хорошее настроение улетучивалось с каждым произнесенным ею словом. Ведь прозвучавшее из ее прекрасных, играющих кровью, уст было неожиданной, неудобной, но сущей правдой. Я действительно упивался этим внезапно нахлынувшим и давно забытым состоянием безмятежного счастья, совершенно не задумываясь на тем, является ли оно счастьем на двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.